

Д жу л и Х е с с л е р

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА,
РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ
И ПОТРЕБЛЕНИЕ (1917–1953 гг.)

Современная
западная русистика

История

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Джули Хесслер

**Социальная история советской
торговли. Торговая политика,
розничная торговля и
потребление (1917–1953 гг.)**

«Библиороссика»

2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61+63.3(2)631-2

Хесслер Д.

Социальная история советской торговли. Торговая политика, розничная торговля и потребление (1917–1953 гг.) / Д. Хесслер — «Библиороссика», 2007 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-907532-15-1

Джули Хесслер рассматривает историю советской торговли от Октябрьской революции и до смерти Сталина. За это время имущественные отношения в советском обществе прошли несколько принципиально разных стадий, от военного коммунизма через НЭП к сталинской попытке минимизировать частный сектор экономики. Каждая из этих стадий сопровождалась теми или иными вызовами и трагедиями, будь то война или раскулачивание — и все это в совокупности влияло на потребительские привычки советских граждан. Автор показывает циклический характер советского торгового сектора — от кризиса к нормализации — и демонстрирует взаимоотношения, складывавшиеся между официальным и неофициальным рынками СССР. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)61+63.3(2)631-2

ISBN 978-5-907532-15-1

© Хесслер Д., 2007
© Библиороссика, 2007

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Два режима советского социализма	12
Покупатели, продавцы и социальная история торговли	16
Кризис: революция	21
Глава первая	21
Розничная торговля в России и ее распад	22
Последствия антиторговой политики	27
Кризисный режим потребления	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джули Хесслер
Социальная история советской
торговли. Торговая политика, розничная
торговля и потребление (1917–1953 гг.)

Посвящается Алексу

Julie Hessler

Social History of Soviet Trade

Trade policy, retail practices, and consumption, 1917-1953

Princeton University Press

2004

Перевод с английского Дмитрия Лупича, Фатимы Таутиевой

© Julie Hessler, text, 2007

© Stanford University Press, 2007

© Д. Лупич, перевод с английского, 2021

© Ф. Таутиева, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2022

© Оформление и макет, ООО «Библиороссика», 2022

Предисловие

Существует ли более суровый приговор коммунистической экономической системе, чем пустые полки советских магазинов? В поздние годы перестройки, когда проект этой книги впервые зародился в сознании автора, в продуктовых магазинах СССР можно было застать доходящие до потолка башни рыбных консервов всего двух видов и, возможно, немного запылившиеся макароны на развес. В аптеках изредка появлялись аспирин и туалетная бумага, а например, о тампонах покупательницы могли только мечтать. В магазинах электроники не было буквально всех бытовых приборов, так изменивших жизнь потребителей в обеспеченном обществе: вместо этого предлагались ужасающие настольные лампы, причем лампочки для них завозили от случая к случаю и половина оказывалась неисправной. Иностранцы не могли не поражаться организации розничной торговли: чрезмерная специализация продуктовых магазинов и отделов приводила к тому, что, как ни старайся, в любом случае приходилось стоять в отдельных очередях за молоком, за хлебом и за чечевицей. Еще зарубежные гости могли увидеть огромные пустые залы, где продукты располагались только вдоль одной стены за кассовой стойкой или на неприглядном, закрытом стеклом прилавке; могли наблюдать три очереди: первая – чтобы выбрать товар, вторая – чтобы его оплатить, третья – чтобы забрать. Не укрылись бы от их внимания и мрачного вида продавец, и перерывы на обед и ежемесячные «санитарные дни» или закрытие «на учет», и постоянная нехватка сдачи у кассиров и их категорические отказы оставить сдачу себе, и нехватка упаковки и пакетов. Не менее удивительным было осознавать, что в Одессе, где работало крупное предприятие по изготовлению зонтов, на рынке невозможно было найти зонт, или видеть, как коллеги-ученые по одному выходят из читального зала архива и возвращаются из буфета с замороженной курицей, которая потом оттаивала, лежа рядом с уникальными документами почти на каждом столе. Или быть свидетелем того, как в начале 1990-х моя знакомая, которая работала секретарем в недавно приватизированной строительной компании, была вынуждена разбираться с поставкой двух тонн лука – отголоском длительного сотрудничества компании с совхозом. Сваленный в вестибюле офиса лук начал гнить, и моей знакомой пришлось искать способ избавиться от этой зловонной кучи – не было ли это буквально метафорой судьбы советской *смычки*, органической связи между крестьянами и пролетариатом, которая, казалось бы, являлась фундаментом коммунистического государства?

А еще были уличные торговцы: в начале 90-х в центре Москвы нельзя было сделать ни шагу, чтобы не пришлось лавировать между двумя рядами лоточников, сгрудившихся по обе стороны тротуара. Нельзя сказать, что они приставали к прохожим – уличная торговля в то время была делом молчаливым, – но зато они всегда протягивали один или два товара, по-видимому, выбранных наугад, чтобы вы на них посмотрели: пожилая крестьянка предлагает десяток яиц; кто-то держит в руках бутылку водки или две палки копченой колбасы; шерстяные шали, несколько лифчиков, лак для ногтей, пара ботинок... Хотите примерить ботинки? Продавец достанет кусок потрепанного гофрокартона и положит его перед вами на подтаявший снег. И вот вы пытаетесь снять свои сапоги на этом самодельном коврикe, не растеряв свои сумки и не потеряв равновесия. Одновременно вы пытаетесь решить, действительно ли настолько плохо купить ботинки на два размера больше; пытаетесь понять, насколько сможете сторговаться; и потом пытаетесь заплатить и уйти до того, как у вас отмерзнут пальцы. Все это – и я еще даже не упомянула рынки и магазины «Березка», предназначенные только для иностранцев, о которых тоже можно рассказывать часами! – было безумно захватывающе для молодого американского исследователя. Когда приятели по тридцатому или сороковому разу рассказывали, как «раньше у нас все было», оставалось только с недоверием качать головой.

Эта книга о том, как розничная торговля развивалась «раньше». Однако это не совсем то «раньше», которое имели в виду мои друзья, говоря о времени, когда все действительно работало лучше. Речь пойдет о периоде, охватывающем зарождение и эволюцию советской торговой системы с 1917 по 1953 год. Из любопытства я бы, может, и хотела довести рассказ до 1980-х, но я и так уже прыгнула выше головы в ходе этого проекта. Моя докторская диссертация, которую я закончила в 1996 году, принесла мне больше разочарования, чем удовлетворения. С тех пор я провела множество дополнительных изысканий, и теперь я знаю гораздо больше. Поэтому, несмотря на то что основные темы этой книги – создание и развитие социалистической розничной торговли, взлеты и падения частной торговли, особенно мелкой розницы; изменения потребительских привычек и наклонностей – освещались и в моей диссертации, подход к этим темам в книге принципиально новый.

За этот период у меня накопились долги – личные, интеллектуальные, материальные. В начале работы над моей докторской диссертацией в 1991–1992 годах я получила финансирование от Чикагского университета, который наладил программу обмена с Российским государственным гуманитарным университетом, а в 1992–1993 годах – стипендию программы Фулбрайта в сотрудничестве с Советом международных научных исследований и обменов (IREX). Диссертационная стипендия от Фонда Эндрю Меллона (который ранее спонсировал мою дипломную работу) и Совет по исследованиям в области общественных наук обеспечили финансирование моей двухлетней работы. Позже, после перевода в Орегонский университет, я провела полсеместра, исследуя и оформляя свои выводы в Институте Кеннана для углубленных исследований России, а затем еще полсеместра – на базе Орегонского центра гуманитарных наук. Благодаря гранту для младшего профессорско-преподавательского состава я получила финансирование своей летней научной поездки в Россию, а IREX спонсировал еще две поездки. И наконец, еще одна стипендия фонда Меллона позволила мне провести незабываемый и продуктивный 1999/2000 академический год в Институте перспективных исследований в Принстоне (штат Нью-Джерси). Я бы хотела выразить искреннюю благодарность Шейле Фицпатрик, Бобу Дэвису, Льюису Сигельбауму и Джоан Нойбергер за рекомендации для института, Джеку Матлогу за содействие в институте и Вере Толц и Йораму Горлицки за поддержку и за вычитку моих черновиков.

В моей интеллектуальной и профессиональной деятельности больше всего я обязана моему научному руководителю Шейле Фицпатрик. Ее подход к обучению студентов задает непревзойденный стандарт: она заставляла своих студентов с головой нырять в советские источники; поощряла исследования, организуя еженедельные семинары по российской истории; мгновенно (за ночь!) присылала свои подробные замечания к докладам и главам диссертации и всегда была готова оказать профессиональную помощь и дать совет. Особо стоит отметить то, что она всегда поддерживала интеллектуальную свободу. Шейла создала в Чикаго интеллектуальное сообщество, не основывая при этом «школу им. Фицпатрик». Сегодня, спустя семь лет, я не могу не превозносить такой подход. Хотя я не могу точно сказать, когда я получила больше знаний, в годы обучения в Чикаго или после, но чувство открытия определенно ощущалось в то время более явственно. Отчасти тому способствовали события, происходившие в бывшем Советском Союзе, но больше всего то, что мы постоянно делились своими находками. Мои сокурсники Гольфо Алексопулос, Мэтт Пейн, Мэтт Леной, Джон Бон, Джон Маккэнон, Молли Пайл, Крис Бертон, Джеймс Харрис, Джош Сэнберн и Джули Гилмор сыграли важнейшую роль в моем обучении. Кроме того, на мое интеллектуальное развитие серьезнейшим образом повлияли два человека, которые также были частью чикагского кружка. Один из них – Терри Мартин, чья работа на тему национальной политики сформировала мое понимание советского политического устройства; второй – мой муж, Алекс Дракобли, чья критическая проницательность и обширные исторические познания непрерывно обогащали и развивали мои собственные.

Эта книга получилась гораздо тоньше, чем мне бы хотелось. Мне пришлось значительно урезать рукопись для публикации, и многие детали, цитаты, дополнительные аргументы и примеры в процессе были вычеркнуты. Больше всего пострадали примечания. Для самых ревностных читателей я восстановила вычеркнутые пояснения и сведения в серии приложений, которые можно найти в интернете по ссылке URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~hessler> (дата обращения: 24.06.2021). На сайте более подробно освещены следующие темы: (а) кооперативы: обзор литературы и критический разбор источников; (б) «Кредит-Бюро»: база данных и его создание; (с) производство и продажа водки; (д) данные о бюджетах домохозяйств и тенденции в области потребления; и (е) судебные дела и рынок.

В завершение я бы хотела выразить свою благодарность еще нескольким людям и учреждениям: Софии Викторовне Сомоновой и ее ассистенткам (Тане, Насте и Инне) из Государственного архива Российской Федерации, а также Галине Кузнецовой за радостные перерывы на обед и неоценимую помощь; Джиму Мору, Квинтарду Тэйлору и Дэниелу Поупу, занимавшим в разное время пост заведующего моей кафедрой, за их поддержку и готовность давать мне время на отдых; Мэтту Леною за комментарии к введению; Дону Фильцеру за предоставленные данные и идеи для седьмой главы, которая позже была опубликована в журнале *Europe-Asia Studies*, и я благодарна за согласие, данное мне редакцией журнала, на повторную публикацию главы в этой книге с небольшими изменениями; а также Бригитте ван Рейнберг, которая верила в мою рукопись и помогала мне до самой публикации. Книга посвящена Алексу, и я лишь надеюсь, что написание следующей будет менее мучительным.

г. Юджин, сентябрь 2002 г.

Введение

Легко забыть, что еще в 1940-х годах советской экономикой восхищались. Невероятные темпы роста, которые демонстрировали добывающая и тяжелая промышленности СССР в разгар мировой депрессии, и последующая стремительная мобилизация во время войны привели к тому, что коммунизм стал казаться реальной экономической альтернативой пребывающему в глубоком кризисе капитализму Западной Европы и Соединенных Штатов. Даже такие критически настроенные против советского «коллективизма» экономисты, как Фридрих фон Хайек и Йозеф Шумпетер, увидели в нем знамение будущего. В послевоенные годы социалистические партии западноевропейских стран национализировали ключевые отрасли промышленности и средства коммуникации, расширили программы социального обеспечения и вынесли на обсуждение идею дополнительного налога на богатство. Для решения насущных проблем послевоенного восстановления и для содействия дальнейшему экономическому развитию во многих странах были поддержаны методы «планирования», то есть плановой экономики. Несмотря на то что в точности списанная с советской модели «командная экономика» за пределами социалистического лагеря была отвергнута, «административная экономика» правила там бал: варьируясь от страны к стране, сформировался политический консенсус вокруг идей экономиста Джона Мейнарда Кейнса о контрциклическом характере инвестирования, управлении спросом, модернизации, полной занятости и контролируемом государством экономическом росте.

Каким далеким временем это кажется сейчас! Между «тогда» и «сейчас» – целая пропасть. «Славное тридцатилетие», «немецкое экономическое чудо», «итальянское экономическое чудо» – как ни назови, этот экономический бум преобразил Северную Америку, Японию и Западную Европу в 1950-х и 1960-х годах. Из эпохи добычи и производства угля и стали экономики этих регионов шагнули в эпоху доступных потребительских товаров, электроники, сферы услуг и информационных технологий. Вопреки распространенному заблуждению, расцвет экономики в послевоенный период не обошел стороной государства Восточной Европы и Советский Союз. Уровень жизни в этих странах также рос благодаря глобальной сельскохозяйственной «зеленой революции» и подъему промышленности. Тем не менее это развитие было не таким ярким, как в странах Запада. Производительность промышленности в СССР вскоре начала стагнировать, новые технологии в основном применялись в военно-промышленной отрасли. В таких условиях сложно усмотреть новую «потребительскую» парадигму¹. Возможно, Советский Союз и преодолел времена «затягивания поясов», подобно странам Запада, но «изобилие» там все еще оставалось недостижимым. Некоторые историки даже утверждают, что именно обманутые желания потребителей в итоге послужили причиной падения советского режима.

Серьезные исследования, проводившиеся в 1950-х и 1960-х годах, опровергли позитивную оценку сталинской экономической модели, распространенную в первые послевоенные годы. В Соединенных Штатах значительную часть таких исследований финансировало федеральное правительство, заинтересованное в демонстрации слабостей своего соперника в холодной войне². В то же время исследователи этого периода, акцентируя внимание на таких вопросах, как реальный национальный доход, реальная заработная плата и человеческие потери, понесенные в ходе сталинской индустриализации, затрагивали те же темы, что беспокоили зарождающееся общество потребления. Теперь об успехе экономической системы судили не по

¹ Наиболее актуальный обзор см. в [Berend 1996].

² Ряд важных работ, посвященных советской экономике, был создан под покровительством RAND Corporation, исследовательского центра, связанного с ВВС США. См., в частности, [Bergson 1961; Chapman 1963].

объему выпуска угля и стали, а по ее способности обеспечивать потребителей постоянно расширяющимся ассортиментом товаров. Несмотря на какофонию споров ученых о методах расчетов и точности советской статистики, в одном выводе все были единодушны: советская экономическая система в целом, в особенности период форсированной индустриализации, была признана вовсе не беспрецедентным экономическим успехом, а фиаско.

Американские исследователи 1950-1960-х годов, как и некоторые из советских ученых того же периода, значительно углубили наши знания о развитии советской экономики³. Однако неудивительно, что такие работы несут в себе отпечаток времени и места их написания, будь то настойчивость советских ученых в утверждении неотвратимого перехода от «капитализма» через «строительство социализма» к «развитому социализму», а затем и к «коммунизму» или тщательные попытки американских исследователей проводить экстраполяцию на основе ограниченной статистической базы. Так или иначе, поразительно, что мы до сих пор продолжаем пользоваться (с минимальными корректировками) представлениями о развитии советской экономики, выработанными в разгар холодной войны. Отчасти это связано с тем, что американские экономисты, авторы ранних исследований в этой области, естественным образом перешли к более актуальным проблемам, среди которых можно назвать военно-промышленный комплекс брежневского периода, неформальный сектор советской экономики, причины ее застоя и т. д. В то же время американские историки Советского Союза оказались вовлечены в ожесточенные споры о состоятельности социальной истории в условиях «тоталитаризма», по большей части оставляя экономические вопросы за скобками.

В Великобритании ситуация была иной. Историки часто обращаются к традиции «западной» историографии в противовес советской науке, но в реальности эта традиция не была единой. В Великобритании, как и в СССР, экономическая история в 1970-1980-х годах оставалась важнейшей частью исторических изысканий⁴. В частности, множество важных монографий было опубликовано в рамках «Проекта о советской индустриализации» центра по изучению России и Восточной Европы Университета Бирмингема. В отличие от своих коллег из Гарварда и RAND, авторы из Бирмингема тяготеют к «мягкой» экономической истории: они серьезно относятся к количественным данным и прилагают много усилий для поиска и оценки советских статистических источников, но при этом используют экономический анализ не как самоцель, а как точку входа для изучения социальной, институциональной и политической истории. Как недавно отметил Роберт Уильям Дэвис, говоря о самом себе, исследователи из Бирмингема часто вдохновлялись социалистической политической повесткой. Несмотря на то что их визитной карточкой является скрупулезный эмпирический подход, часто в их работах можно различить марксистский понятийный аппарат, а также присутствующие на заднем плане существенные политические вопросы: может ли что-то из советского опыта быть использовано для современного социализма? Что можно считать достижениями Советского Союза и что именно пошло не так?⁵

Настоящая работа написана с выраженной немарксистской точки зрения, однако она похожа на исследования Бирмингемской школы своей темой и ее трактовками. В ней отзыва-

³ Среди работ советских исследователей, сформировавших мое понимание развития экономики СССР, могу назвать [Атлас 1969; Турецкий 1959; Малафеев 1964] и несколько исследований С. Г. Струмилина.

⁴ Учитывая сильные традиции экономической истории в Великобритании и России, неудивительно, что именно британские и российские ученые написали большую часть современных работ по советской экономике. Среди важнейших примеров см. [Davies et al. 1994; Harrison 1921; Зима 1996; Шишкин 1997; Попов 2000]. Работы, особенно относящиеся к вопросу торговли, указаны далее.

⁵ Из неопубликованной работы Р. У. Дэвиса (R. W. Davies. *The Archives and the Stalinist Economy*), написанной для проходившей 30–31 октября 2002 года во Флоренции (Италия) конференции «Reappraising the Stalin Era» («Переосмысливая сталинскую эпоху»). Дэвис является автором нескольких работ, оказавших влияние на эту книгу: «Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933» (London, 1996); «The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930» (Cambridge, Mass., 1989); и, совместно с Э. Х. Карром, «Foundations of a Planned Economy, 1926–1929» (London, 1969).

ется аргумент Моше Левина о роли кризисов в сложной динамике исторических изменений⁶. В ней слышны отголоски настойчивой позиции Владимира Андрле относительно центральной роли денежных доходов в определении уровня жизни, высказанной вопреки расхожему мнению о том, что все сводится к социальным льготам и доступу к благам [Andrle 1988]. В исторических вопросах эта работа обращается к Станиславу Свяневичу и его анализу регулирования спроса в Советском Союзе, в котором фундаментальная структурная роль отводится дискриминации крестьян и репрессиям [Swianiewicz 1965]. Эти и другие сходства в трактовке, которые я едва осознавала в процессе написания книги, однозначно ставят данную работу в один ряд с приверженцами бирмингемской традиции. В моей книге вопросы, методы и опора на архивные материалы, характерные для социальной и политической истории, применены к экономическим темам (розничной торговле, распределению и широкому потреблению), и эти инструменты используются, чтобы по-новому взглянуть на формирование советской экономики. Непосредственным внешним причинам, в том числе таким разнородным факторам, как борьба за власть и политические решения на том или ином этапе советской истории, социальная психология и краткосрочные экономические условия, уделено в моей книге столько же внимания, сколько и любой «глубокой системной логике». Читатели не найдут в этой книге свидетельств в подтверждение мнения Яноша Корнай о том, что, когда Коммунистическая партия достигает безраздельной власти, эта историческая конфигурация задает «генетический код», который передает главные характеристики системы каждой ее клетке [Корнай 2000]. Вместо этого (хотя, конечно, это не более чем убеждение историка) они найдут свидетельства того, что, если бы политические деятели и даже рядовые граждане в определенные моменты истории принимали иные решения, ее итоги могли быть иными.

Что можно почерпнуть из новой социальной и политической истории экономики потребления? Значительная часть моей информации затрагивает конкретные детали. Однако это исследование предлагает новую интерпретацию основных аспектов развития советской экономики, среди которых отношения между новой экономической политикой (НЭПом) и предшествующими ей и сменившими ее экономическими структурами; значение так называемого «Великого перелома»; теоретическая и практическая роль рынка на различных этапах экономического развития; социальный аспект советской торговой политики; подходы политических деятелей к ценообразованию и так далее. Некоторые из этих тем в кратком виде изложены далее.

⁶ В особенности см. [Lewin 1985]. Левин работал в Бирмингеме с 1968 по 1978 год.

Два режима советского социализма

Применительно к теме торговли некорректно говорить о «сталинизме». В период сталинской диктатуры потребительская экономика функционировала не в одном, а в двух режимах, и поскольку эти режимы также характерны для советского социализма в периоды Гражданской войны и НЭПа, я не буду использовать данный термин. Оба режима обладали общими характеристиками, которые объединили тридцатипятилетний период от большевистской революции до смерти Сталина в одну целостную эпоху. Одним из таких объединяющих факторов была опора правительства на репрессии как на рутинный инструмент управления экономикой. Осуществление репрессий было характерно для обоих режимов советского социализма в первые десятилетия новой власти; это обстоятельство отделило Ленина и Сталина от тех, кто руководил страной после смерти последнего. Среди других объединяющих характеристик этих режимов – огромная, но никогда не исключительная, роль государства в производстве, распределении и сбыте продуктов питания и потребительских товаров; государственная монополия на железные дороги, речной транспорт и внешнюю торговлю; существование розничной торговли в рамках социалистического сектора, представленного государственными и кооперативными экономическими субъектами, а также наличие частной торговли в виде уличных рынков; ограниченная материальная база страны. Ни одна из этих характеристик не была отличительной особенностью ни одного из режимов советского социализма по отдельности, и тем более военного коммунизма, НЭПа или любого другого временного отрезка сталинского периода. Скорее, все это было типично для эпохи в целом.

Принципиальное различие двух режимов социализма заключалось в состоянии экономики. Согласно архивным документам, продовольственные кризисы возникали то в одном, то в другом советском регионе на протяжении почти всего рассматриваемого периода (за исключением лишь пары спокойных лет), однако наиболее ярко выделяются масштабные вспышки голода 1921–1922, 1932–1933 и 1946–1947 годов. Каждый раз голод являлся кульминацией многолетнего экономического и политического кризиса, включавшего, помимо всего прочего, милитаризацию продовольственного снабжения и распределения «товаров первой необходимости». Для наших целей можно выделить кризисный режим, определявший поставки и распределение продовольствия и потребительских товаров, поведенческие модели потребителей в 1917–1922, 1928–1933 и 1939–1947 годах (и в промежуточные годы поблизости от охваченных голодом районов), и режим восстановления, или нормализации, который действовал все остальное время. До 1950-х годов нормализация не приводила к стабильности: вместо этого сочетание внутренних и внешних факторов толкало этот маятник обратно к фазе кризиса.

Кризисный режим социализма как элемент политики предполагал применение государством мер по монополизации товарных потоков. Каждый раз его движущей силой выступали местные чиновники, которым приходилось сталкиваться с влиянием обостряющегося дефицита на общественный порядок. Городские власти были склонны начинать с того, что налагали ограничения на покупки, но быстро переходили к рационированию, в рамках которого разным классам потребителей выдавались карточки в соответствии с системой, разработанной во время Гражданской войны. Каждый раз Кремль в конце концов распространял применявшиеся в отдельных городах меры по всему СССР и вводил дополнительные льготы для наиболее значимых городских потребителей через сеть магазинов и столовых на рабочих местах. Следствием подобного распределения явилась открытая дискриминация потребителей из сел и деревень, которым почти всегда был перекрыт доступ к дефицитным товарам в городских магазинах, в то время как сельские магазины получали поставки в ходе проведения все более милитаризованных «заготовительных кампаний», т. е. закупок сельскохозяйственной продукции государством и кооперативами по цене ниже рыночной. Еще одним следствием была

война, объявленная государством рынку. Несмотря на то что частная торговля неосновными продовольственными продуктами и подержанными товарами, а также товарами собственного изготовления или просто широкодоступными на рынке не была объявлена нелегальной, кризисный режим приводил к резкому усилению гонений на частных торговцев и попытке вовсе исключить рынок из схемы распределения продовольственных и промышленных товаров первой необходимости. Ближайшими аналогами «кризисного социализма» являются экономические режимы стран Центральной Европы, пострадавших во время двух мировых войн и их последствий⁷. Это неудивительно: два из трех кризисов, которые пережила Советская Россия и СССР, стали следствием тех же самых войн, а третий совпал с Великой депрессией, которая вспыхнула за рубежом.

Возвращаясь к политическому аспекту и его влиянию на экономику, можно отметить одно удивительное обстоятельство: от кризисного экономического режима в СССР всегда отказывались прежде, чем наступал пик кризиса. В 1921, 1931–1932 и 1946–1947 годах систему централизованного распределения свернули, когда голод только усиливался. Политика нормализации и сама нормализация экономических условий и потребительского поведения никогда не совпадали по времени. Программа восстановления, предложенная государством, каждый раз включала децентрализацию снабжения и принятия решений, стабилизацию валюты, восстановление роли денег как главной единицы стоимости и фактора доступа потребителей к товарам, снижение и возможное упразднение гарантированных пайков, а также либерализацию политики по отношению к рынку. Отчаянное положение экономики, которое каждый раз служило фоном для таких реформ, привело к тому, что многие западные и постсоветские историки описывали их как «стратегическое отступление»⁸. Советские ученые, напротив, подчеркивали, насколько реформы соответствовали долгосрочным целям модернизации и экономического роста, которые ставили Ленин или Сталин и которые, разумеется, были необходимы для социализма как такового⁹. С оговорками, но мое мнение ближе к точке зрения советских исследователей, чем изложенные ранее позиции их западных коллег. Не стоит забывать, что не только политика нормализации, но и сам кризисный режим социализма вводился через серию чрезвычайных мер. В ранние годы советской власти подобные меры находили идеологических сторонников в правительстве, однако в то же время другие большевистские лидеры, например А. И. Рыков и, пожалуй, сам Ленин, видели в регламентации распределения шаг назад, а НЭП приветствовали, видя в нем движение вперед. В последующие десятилетия это утверждение также было верно в отношении Сталина: когда он сформулировал свое видение социализма в условиях экономики потребления, он решительно отверг кризисный режим в пользу подхода, более близкого политике НЭПа.

НЭП положил начало будущему развитию социалистической экономики, совместив значительное присутствие в ней государства с рыночными механизмами и институтами. Как нам хорошо известно, многие из этих достижений были упразднены во время второго эпизода кризисного социализма, сталинского «Великого перелома». Однако не так хорошо известен масштаб восстановления рыночных механизмов в социалистической экономике во время последующей затем фазы нормализации. В секторе снабжения, например, товарные биржи и ярмарки 1920-х годов, может, и не открылись после принудительного закрытия в 1930–1931 годах, зато появились оптовые базы, которые в итоге их заменили: их целью было оптимизировать

⁷ Ср. [Wildt 1986] и [Wyka 1992: 23–61].

⁸ Это утверждение больше применимо к специализированной литературе, касающейся более поздних реформ. Для рассмотрения советской экономики 1921 года можно обратиться к [Гимпельсон 2000]. О периоде 1931–1932 годов см. [Whitman 1956: 384–404, особ. 387; Davies 1996: особ. 58–64, 94–97, 201–28]. Для рассмотрения периода 1946–1947 годов см. [Filtzer 1999: 1013–1038; особ. 1020–1022; Зима 1996: 51–52; Зубкова 1998: 40–50].

⁹ Для рассмотрения 1921 года см. [Дмитренко 1986; Дихтяр 1963: 139–152; Атлас 1969: 173–191], по периоду 1931–1932 см. [Атлас 1969: 248–261].

социалистический рынок, а не покончить с ним. Более того, как и в 1920-х годах, официальные оптовые учреждения обеспечивались работой по прямым договорам между промышленными сбытовыми организациями, заводами или крестьянскими хозяйствами и распределительными сетями социалистического сектора. Дэвид Ширер обратил внимание на такую рыночную практику в советской тяжелой промышленности, заявив, что они подрывали заявленную цель режима – построение плановой экономики. По словам Ширера, эта практика привела к тому, что «то, что появилось в 1930-х годах... было командно-административной экономикой, но не плановой» [Shearer 1996: 236]. Несомненно, это отчасти связано с различием между двумя секторами, однако в торговле практики рынка не считались несовместимыми со строительством социализма. Хотя и здесь найм разъездных торговых агентов (наиболее распространенный способ обхода чрезмерно жестких структур снабжения) неоднократно подвергался критике со стороны будущих рационализаторов. Дело в том, что в 1935–1938 и 1948–1953 годах, а также в 1921–1928-м государственное и кооперативное снабжение как на практике, так и в теории было организовано на основе покупок, продаж и решений, принимаемых управляющим лицом, а не на плановом распределении фиксированной квоты товаров.

Руководящие круги, напротив, не хотели отказываться от контроля над ценами: в этом вопросе советский социализм резко расходился с нормами рыночной экономики. Даже во время НЭПа власть вскоре вновь обратилась к политике вмешательства в ценообразование «наиболее важных» категорий товаров, хотя первый шаг к нормализации и состоял в стабилизации валюты и, следовательно, в освобождении цен. Эти интервенции в рыночную экономику запускали порочный круг: искусственно заниженные цены в социалистическом секторе приводили к дефициту, который, в свою очередь, вел к росту спроса на эти товары в частном секторе, на что частные розничные торговцы отвечали повышением цен, дабы уравновесить спрос и предложение. Товары неизбежно перетекали из регулируемых в нерегулируемые розничные сети, из-за чего враждебность большевиков к рынку усиливалась, заставляя их вновь пытаться директивно снизить цены¹⁰. По мере того как усиливались дефицит и дестабилизация, вмешательство властей становилось все более радикальным. Конечная точка – кризисный режим социализма – не была ни запланированным, ни желаемым результатом. Однако чиновники, ответственные за экономическую политику, следовали аналогичному курсу регулирования цен и в конце 1930-х годов, что привело к тем же последствиям, и более того – снова вернулись к нему в послевоенные годы.

Итак, подведем итог: период с 1917 по 1953 год целесообразно рассматривать как циклическую модель сменяющих друг друга фаз кризиса и восстановления, который был окончательно разорван только в конце этого периода. Исследование этой модели положено в основу этой книги: в ней на примере трех затяжных кризисов, вызванных поочередно революцией, сталинским «реформированием национальной экономики», войной и их последствиями, разбирается взаимосвязь между долгосрочными планами и краткосрочными обстоятельствами в развитии торговой политики, а также между угрожающей нехваткой ресурсов, случаями дефицита и экономическим ростом. Я считаю, что за исключением революционного периода, когда позиции советских политических руководителей не были полностью согласованы, во время фазы восстановления каждого экономического цикла они преследовали свои принципиальные цели в отношении снабжения, заработной платы и цен, торговых кадров и организации розничной торговли – и были гораздо менее последовательны во время фазы кризиса, когда требования экстренного управления отодвигали менее приоритетные задачи в сторону. Учитывая современное распространение сетевых магазинов, кооперативов и универсамов на Западе, я также утверждаю, что некоторые из стратегий советского руководства соответство-

¹⁰ Лучшее всех на сегодняшний день эту проблему проанализировал В. В. Новожилов в своей работе «Недостаток товаров» [Новожилов 1926: 75–96].

вали тенденциям модернизации мировой розничной торговли. Советские лидеры воспользовались преимуществами экономии за счет роста производства; в условиях рынка, при применении иного сочетания политических мер, в это время могли бы быть заложены основы эффективной системы социалистической торговли. То, что этого не произошло к концу жизни Сталина, я объясняю слабостями советской ценовой политики, ограниченной ролью частного предпринимательства и рынка и, прежде всего, тягой к использованию кризисных методов экономического управления при обнаружении первых признаков дестабилизации на рынке продовольствия и потребительских товаров. Советская торговая политика всегда была готова мгновенно отреагировать на любое изменение обстановки: в своих политических предпочтениях Ленин и особенно Сталин опирались на экономическую рациональность, но их политическая культура была сформирована под влиянием тягот и лишений Гражданской войны.

Покупатели, продавцы и социальная история торговли

Эта книга пока была представлена лишь как исследование крупномасштабных структурных изменений в политической экономии коммунизма. Однако она также посвящена людям, чья деятельность формировала и отражала эволюцию экономики в целом. Циклическая модель периодов кризиса и восстановления, как и изменение структуры советской торговли, оказала глубокое влияние на повседневную жизнь советских граждан, которые почувствовали изменения не только как покупатели, но и как продавцы. Крестьяне, в 1939 году все еще составлявшие 46 % населения, продавали свою продукцию на протяжении всего рассматриваемого в настоящем исследовании периода. Во времена кризиса к их числу добавлялись практически все городские жители, которые распродавали излишки своего имущества, покупали и перепродавали дефицитные товары или продавали кустарные изделия на базарах, чтобы покрыть расходы, связанные с растущими ценами на продовольствие. Обширные исследования бюджетов домашних хозяйств, проводившиеся Центральным статистическим управлением (в разные годы оно называлось ЦСУ СССР, ЭСС – Экономико-статистический сектор, ЦУНХУ – Центральное управление народно-хозяйственного учета), позволяют количественно оценить роль выручки от эпизодических продаж в доходах рабочих, конторских служащих и управленцев или работников технических специальностей в годовом исчислении. В наиболее острые фазы экономического кризиса до 30 % этих доходов приходилось на неофициальную торговлю. В контексте социальной истории первой половины советской эпохи это означает, что уличные базары, где происходила основная часть случайных продаж, сохраняли культуру очного обмена, который не был односторонним. И горожане, и крестьяне участвовали в торговле в качестве как покупателей, так и продавцов. Высокие рыночные цены на продукты вынуждали горожан прибегать к мелкой торговле, и это мешало им отождествлять себя с крестьянами, однако далеко не все крестьяне извлекали выгоду из нехватки продуктов – сама универсальность рыночной торговли в эти периоды делала ее своего рода культурным клеем.

Торговая активность усиливалась и затухала вместе с наступлениями и отступлениями очередного экономического кризиса; по мере того как кризисный период завершался, те наемные работники, чей основной доход составляла не торговля, уходили с рынка, и на нем оставалась только более малочисленная группа продавцов кустарной продукции, лоточников и профессиональных торговцев. Новая экономическая политика отличалась тем, что в ее рамках была легализована деятельность представителей этой последней группы, которая в 1920-е годы была гораздо более многочисленной и разнообразной, чем во время двух последующих фаз восстановления. О торговцах эпохи НЭПа можно найти информацию в различных отделах советских архивов: по кредитным записям удалось восстановить истории частных предприятий эпохи НЭПа для третьей главы, а из данных системы уголовного правосудия я почерпнула большую часть моих сведений о деятельности отдельных торговцев после 1930 года¹¹. В этом принципиальное различие между эпохой НЭПа и более поздним периодом, и, подчеркивая преемственность «Великого перелома», я не собираюсь преуменьшать значение этого различия. Однако именно преемственность не была должным образом освещена в историографии, хотя при этом она самым неожиданным образом проявлялась в частной торговле на протяжении всего исследуемого периода. Изучение составляющих коммерческого успеха в контексте НЭПа указывает на то, что многие виды частных предприятий сохранялись в последующие десятилетия, пусть и претерпевая изменения, сокращение объемов деятельности и часто ока-

¹¹ Исключение составили 1945–1948 годы, когда финансовые органы и инспектораты торговых и промышленных кооперативов писали доносы на частные магазины и кафе. См. об этом мою статью «A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR» [Hessler 1998].

зываясь вне закона. Это еще более верно в отношении факторов коммерческого провала: особенно в провинциальных захолустьях Советского Союза обнищавшие торговцы эпохи НЭПа зарабатывали себе на жизнь в тех же экономических нишах и теми же методами, которые позднее будут использовать обнищавшие представители неформальной торговли.

В этом исследовании в качестве важной категории социального анализа резко выделяется бедность¹². Первоначально концептуальной рамкой, которую я прилагала к потребительской стороне торговли в рамках этого проекта, было то, что я назвала культурой дефицита. Это совокупность поведенческих реакций на дефицит, которые приобрели (по крайней мере согласно моим представлениям) определенную степень автономии по отношению к материальным условиям, лежащим в их основе¹³. Дефицит действительно неотступно преследовал экономику потребления на протяжении всего этого тридцатипятилетнего периода, однако теперь я рассматриваю его как историческую проблему, а не как объяснительный фактор. Дефицит был результатом запланированного дисбаланса между заработной платой и ценами – почти постоянной чертой экономической политики, проводимой государством, а также характера и движущих сил, присущих бюрократизированному производству¹⁴. Этот аргумент ставит интересные вопросы об экономических приоритетах советской власти и о формировании советской политики, но также он подчеркивает, насколько бедность ограничивала возможности потребителей. Большинство домохозяйств имели в своем распоряжении крайне небольшой объем дискреционных доходов. В результате, как правило, дефицитными оказывались самые низкокачественные и дешевые товары, в то время как более дорогие пылились на полках. Дефицит углублял пропасть между богатыми и бедными, так как покупатели при деньгах зачастую могли просто заплатить сверх назначенной государством цены, чтобы избежать многочасовых очередей.

Что касается культуры, то это тот аспект, который, безусловно, трудно распознать в поведении потребителей в кризисные периоды. Кризис изменял модели потребления и способы приобретения товаров абсолютно предсказуемым образом: описание поведения толпы во время одного из периодически возникающих продовольственных кризисов в Индии, сделанное экономистом Амартией Сенем, применимо к любому из советских кризисов, как и рассуждения Питирима Сорокина о голоде как факторе человеческого поведения¹⁵. Накопительство и паническая скупка вещей характерны для начального периода кризиса, когда запасы еще не исчезли полностью. В этот период также учащались кражи из магазинов, со складов и из транспорта; цены на свободном рынке резко выросли; граждане, имеющие желаемые товары, отправлялись в ближние или дальние деревни, чтобы обменять их на продовольствие; голодающие жители наводняли города в надежде облегчить свою участь. Потребление продуктов питания и промышленных товаров ухудшалось как количественно, так и качественно. Наконец – ив этой работе я смогу продемонстрировать это с большей точностью, чем это делают встречавшиеся мне существующие работы, посвященные продовольственным кризисам и привычкам потребления в контексте любой страны, – граждане расходовали все большую часть своих доходов в рамках частного сектора рынка (иногда называемого *черным рынком*) и тратили все больше времени как на покупку, так и на продажу товаров. Такие изменения в поведении, вызванные адаптацией к кризисным реалиям, включали в себя очень мало специфически

¹² Исследование бедности брежневского периода авторства Мервина Мэтьюса (Mervyn Matthews) «Poverty in the Soviet Union» является единственной книгой, целиком посвященной анализу темы бедности, хотя она фигурирует в качестве второстепенной в нескольких работах по социальной истории и социологии. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего исследования.

¹³ Это была темой моей докторской диссертации «Culture of Shortages: A social history of Soviet Trade» (Чикагский университет, 1996).

¹⁴ Корнай в своей книге «Социалистическая система: политическая экономия коммунизма» считает бюрократизацию важнейшей причиной возникновения дефицита, хотя он также говорит о нем в связи с денежной политикой как мерой определения степени подавления инфляции.

¹⁵ Ср. [Sen 1981: 55–57] и [Сорокин 2003].

русского или социалистического. Однако именно они сформировали кризисный режим социализма как совокупность стратегий, и это объясняет, почему акцент в кризисные годы делался на два рычага: репрессии и бюрократический контроль.

В периоды восстановления рост доступности товаров в магазинах и сопутствующее ему падение рыночных цен повышали покупательную способность граждан. Соответственно, совокупный спрос расширялся и охватывал все более разнообразные интересы, поскольку теперь и менее обеспеченные потребители могли учитывать свои личные вкусы. Конечно, диверсификации потребления препятствовало снижение личного благосостояния, которое было побочным продуктом классово-борьбы во время двух первых крупных кризисов, выделяемых в этой книге; свою роль также сыграла ликвидация частных магазинов. Несмотря на эти препятствия, в конце 1920-х, в конце 1930-х и в период после 1948 года оживленная торговля предметами роскоши и редкими товарами поддерживалась как в частном, так и в обобщественном секторах. Это не значит, что советское общество стало обществом потребления: заинтересованность в обозначении своего социального статуса и выражении индивидуальности через потребительский выбор, определяемая некоторыми исследователями как существенный компонент современного консьюмеризма, оставалась доступной лишь незначительному числу советских покупателей¹⁶. Тем не менее в каждом из периодов восстановления мы можем заметить сдвиги в сторону общества потребления. Возможно, самым поразительным было то, как бремя необходимости совершения покупок облегчалось новообретенным удовольствием от этого процесса. Удовлетворяя массовый спрос на досуг, уличные рынки в периоды восстановления предлагали разнообразные развлечения; их предоставляли также частные магазины, бары и бильярдные в 1921–1930 годы и их менее известные аналоги 1945–1948 годов. В начале 1930-х годов даже государство попыталось захватить рынок предметов роскоши через свои новые «премиальные» магазины и сети с приятной атмосферой.

Сельские потребители оставались в стороне от этих событий как по причине бедности, так и из-за их ограниченного доступа к товарам. Каждый из трех кризисов вызывал резкое сокращение розничной инфраструктуры, и каждый раз сельские магазины открывались заново последними. Центральное правительство уделяло внимание этой проблеме в 1923, 1936–1938 и 1949 годах, но рекомендации и декреты, изданные в это время, не были подкреплены ни достаточным финансированием, ни угрозами принудительного исполнения. В критических ситуациях интересами деревни жертвовали в первую очередь. Даже в периоды нормализации в сельской местности магазинов было гораздо меньше, и они обладали более скудным ассортиментом, чем в городах, а цены на товары устанавливались гораздо выше. Торговые сети усугубляли эти проблемы, приостанавливая поставки в сельские районы каждый раз, когда какие-либо товары становились дефицитными. Неравенство в доступе усугубляло последствия, к которым приводили низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, которые устанавливало государство. Хотя мое исследование в целом ставит под сомнение укоренившееся представление о сталинской эпохе как о периоде растущего неравенства между доходами рабочего класса и управленцев, в нем подтверждается представление о растущем разрыве между городом и деревней¹⁷.

Из этого анализа станет ясно, что «социальная история торговли», которую я пишу, – это в первую очередь не история продавцов розничных магазинов. Они действительно фигурируют в этом исследовании: государственные и кооперативные магазины опирались на растущий класс конторских служащих, чья заработная плата, демографические характеристики и

¹⁶ Статус занимал особое место в работах социологов от Торстейна Веблена до постструктуралистов Жана Бодрийяра и Пьера Бурдьё. Историки более успешно связывают изменения в потреблении с воображением, см., например, [Campbell 1987; Williams 1982; Leach 1993].

¹⁷ Следует отметить, что старая точка зрения в значительной степени была основана на качественном описании, а не на количественном анализе. Ср. [Троцкий 1991] и [Данэм 1990: особ. 3-24].

трудова́я этика подвергались частым вмешательствам сверху. Довоенный сталинский период стал переломным для этой прослойки: между концом 1920-х и началом 1940-х годов была выстроена новая отраслевая иерархия, в которой розничная торговля и общественное питание стремились к нижней границе шкалы заработной платы. Демографически это совпало с феминизацией розничной торговли – сдвигом, активно поощряемым продуктивистским государством¹⁸. Это значительные события, последствия которых для капиталистического общества были исследованы историками и социологами Западной Европы и Соединенных Штатов¹⁹. В настоящей работе я рассматриваю эти события лишь кратко и в связи с Советским Союзом, так как больше времени я уделяю вопросу формирования социалистической культуры розничной торговли, складывающейся из таких противодействующих факторов, как коммунистический морализм, борьба с бюрократией, материальные трудности среди работников розничной торговли и системный дефицит потребительских товаров. В конечном счете история феминизации торгового персонала, которая представляет собой часть более широкого мирового явления, показалась мне менее привлекательной, чем другие события, более характерные для советского контекста. Среди таких более привлекательных с точки зрения социальной истории явлений – изменение отношения к рынку как со стороны покупателей, так со стороны продавцов, а также роль денег (или бедности) в сравнении с доступом (или дискриминацией) к общественному распределению товаров.

Последние исчерпывающие труды по истории советской торговли были опубликованы в Советском Союзе в 1960-х годах. Это были книги профессиональных экономистов Г. Л. Рубинштейна и Г. А. Дихтяра [Рубинштейн 1964; Дихтяр 1960; Дихтяр 1961; Дихтяр 1965]. Трехтомный труд Дихтяра является ярким примером лучшего в советской экономической науке. Это результат труда всей жизни автора, ради которого были подробнейшим образом исследованы как опубликованные, так и архивные источники (западные ученые иногда забывают, что доступ к архивам, хотя и нов для нас, не являлся таковым для всех специалистов в нашей области). Кроме того, Дихтяр стремился сохранить относительно объективный тон, хотя и оставался привязанным к прогрессистским постулатам советской историографии, вследствие чего его книги гораздо богаче данными, чем историческими интерпретациями. Настоящая работа призвана прийти ему на смену в некоторых отношениях, в частности, за счет конкретизации политических и социальных аспектов торговли; за счет включения частного сектора, особенно в его до- и постнэповском неформальном облике, в глобальную картину потребительской экономики; за счет разоблачения нелестных новых данных о потреблении, а также за счет представления экономического руководства в менее сочувственном свете. На мое исследование и способ представления темы сильное влияние оказала идея всестороннего освещения темы: мне хотелось, чтобы читатели, ищущие ответы на конкретные вопросы о торговой политике, торговых площадках или потреблении в тот или иной момент разбираемого периода, могли бы обратиться к этой книге за справочной информацией. Для изучения более узких экономических тем, таких как торговые финансы или оптовые учреждения, исследователям все же придется обратиться к Дихтяру. Другие же темы, например, особенности торговли в отдельных республиках, еще ждут своего исследователя, поскольку эта или любая другая существующая работа затрагивает их только по касательной.

В последние годы об отдельных аспектах потребительской экономики писал целый ряд авторов, но никто из них не сделал больше, чтобы привлечь к этой области внимание научного

¹⁸ Эми Рэндалл изучала политику включения женщин в сектор розничной торговли в 1931 году, см. ее неопубликованную работу «Women Workers and the Gendering of Soviet Trade», представленную в 2000 году на Ежегодной конференции Американской ассоциации развития славянских исследований (American Association for the Advancement of Slavic Studies) в Денвере. Зная об исследовании Рэндалл на эту тему, я решила не акцентировать внимание на этом аспекте в этой книге.

¹⁹ Тема феминизации розничной торговли в США, Великобритании и Западной Европе соответственно рассмотрена в [Benson 1986; Lancaster 1995:171–194; Jefferys, Knee 1962: 19–21].

сообщества, чем Елена Осокина, автор двух книг и нескольких статей о торговле, распределении и повседневной жизни советского общества в период с 1927 по 1941 год²⁰. В своей интерпретации она стремится подчеркнуть то, что сталинский режим (чаще всего в ее последней книге обозначенный как «режим Политбюро») *сделал с обществом*: проводя свою катастрофическую сельскохозяйственную политику, он *создал* нехватку продовольствия, а затем *использовал* свою монополию на продовольственное снабжение, чтобы *морить голодом* крестьян и *контролировать* всех остальных. Для Осокиной централизованная карточная система начала 1930-х годов была воплощением сталинизма. С ее помощью режим определял приоритетные группы потребителей, выживание которых было наиболее важным для выполнения ключевых задач промышленности; он вписывал население в жесткую иерархию прав, установленных им для потребления; наконец, он контролировал соблюдение этих прав с помощью внесудебных репрессий. Все эти аспекты важны и актуальны для настоящего исследования: в четвертой и пятой главах, посвященных довоенному сталинскому периоду, читатели найдут много отголосков идей Осокиной. В конечном счете, однако, я утверждаю, что часто заявляемое Сталиным предпочтение «культурной советской торговли», не включенной в систему рационирования, следует воспринимать всерьез. Таким образом, с точки зрения осуществления торговой политики на высоком уровне в моем представлении сталинский режим был гораздо более заинтересован в модернизации и экономическом росте, чем это представляется в работах Осокиной. Кроме того, поскольку мое исследование охватывает более широкий период, чем затронутый в работах исследовательницы, в нем выявляются более долгосрочные изменения и преемственность между периодами первых пятилетних планов и последующими и предшествующими им, включая военный коммунизм и НЭП.

Последний автор, заслуживающий особого упоминания, – покойный В. П. Дмитренко, выдающийся специалист по торговле раннего советского периода. На написание глав 1–3, содержащих подробную реконструкцию процессов формирования политики, оказали влияние многие работы Дмитренко, публиковавшиеся в течение двух десятилетий [Дмитренко 1966а; Дмитренко 1966б; Дмитренко 1971; Дмитренко 1986; Дмитренко и др. 1978]. Дмитренко был ученым своего поколения и настаивал на той степени идеологической последовательности в политике Ленина, которую большинство современных историков сочли бы неправдоподобной, он чрезмерно подчеркивал значение «руководящей роли Коммунистической партии» и предсказуемо преуменьшал роль принудительных мер в революционном режиме. Но он был также проницательным и чрезвычайно знающим толкователем большевистской политики, общества и экономического развития, и его работы поэтому заслуживают более широкого освещения.

Стремление большевиков создать альтернативу «буржуазной торговле» и рыночным механизмам привело их в неизведанные воды мировой экономической и социальной истории. Эта книга прослеживает путь большевистской политики в течение трех с половиной десятилетий в свете трех основных тем. Первая – изобретение и развитие социалистической системы розничной торговли. Это предмет второй, четвертой, пятой и седьмой глав. Вторая – постепенное сокращение частной торговли до форм базара и черного рынка, рассмотренное в первой, третьей и шестой главах. Третья тема – эволюция потребительских привычек в связи со структурной трансформацией торговли – фигурирует в отдельных частях разных глав на протяжении всей книги.

²⁰ Большая часть ее выводов вошли в недавнюю работу [Осокина 1998]. Теперь эта работа доступна на английском языке под названием «Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia» в переводе Кейт Граншель и Греты Бухер (Армонк, Нью-Йорк, 2000). Среди более ранних работ Осокиной – «Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения» [Осокина 1993]; «За зеркальной дверью Торгсина» [Осокина 1995а]; «Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг.» [Осокина 1995б].

Кризис: революция

Как в гигантской центрифуге, отслаивались в вихре революции эти два слоя: наверху – видимая официальная пролетарско-натуральная экономика, а под ней – скрытая подпольная товарная и товарно-капиталистическая.

По мере того, как складывался пролетарско-натуральный хозяйственный строй, по мере его роста росла соответственно и его неустрашимая, в данных условиях, тень. По мере уничтожения обычного легального рынка росли одновременно, с одной стороны, натуральное хозяйство пролетариата, с другой стороны, рынок нелегальных, который зародился еще во время империалистской войны 1914–1917 гг., как дополнение к обычному рынку, а теперь стал единственным.

Л. Н. Крицман. Героический период Великой русской революции (1925)

Глава первая Торговля и потребление в революционной России

Экономический кризис 1916–1922 годов стал суровым испытанием для советского социализма как экономической системы. Став результатом Первой мировой войны, экономический кризис создал условия для того, чтобы произошла революция, и predetermined политику революционного режима. Кризис привел к тому, что большевики все более радикальным образом вмешивались в экономику, пока наконец государство не стало полностью контролировать транспортную систему, промышленность и все жизненно важные источники снабжения. Позднее непрекращающаяся ситуация кризиса приводила к тому, что эти меры смягчались или отменялись.

В настоящей главе нас в первую очередь будут интересовать не эволюция кризиса и даже не политика большевиков, а краткосрочное влияние этого кризиса на потребление и торговлю. Способы адаптации отдельных экономических субъектов к условиям революционного периода и инициативы, которые они выдвигали, чтобы справиться со сложностями, создали важные прецеденты для развития экономики последующих лет. В торговле таким важным прецедентом стала трансформация небольшой нескоординированной сети потребительских кооперативов в обширную централизованную систему распределения. Эта трансформация, как и другие элементы военного коммунизма (например, кризисная модель социализма, созданная в 1918–1921 годах), будет рассмотрена во второй главе.

Прецедент, который мы будем рассматривать здесь, связан с распадом существующей сети частной торговли, произошедшим в результате борьбы большевиков против рынка, и ее восстановлением в неформальном виде и в малом масштабе. Как это случилось – когда, как и почему на смену торговым домам и магазинам дореволюционной России пришли «мешочничество» и уличные базары, как они изменились со временем, – будет освещено в этой главе.

Процесс, который член партии социалистов-революционеров, экономист Н. Д. Кондратьев назвал «деградацией торговли», привлекает внимание к ряду вопросов, важных для социальной истории. Например, что случилось с представителями дореволюционной торговли? Можем ли мы сделать выводы относительно того, какая прослойка населения лучше приспособилась к изменившейся экономической и политической обстановке, и определить, какие факторы обеспечили ее относительный успех? Когда и как потребители стали вовлекаться в неформальную экономику и как изменились в связи с этим их потребительские привычки?

Наконец, до какой степени потребители разделяли или усвоили взгляд большевиков на частную торговлю как на «спекуляцию», когда сами были вынуждены и покупать, и продавать на рынке, чтобы выжить? В настоящей главе после краткого обзора дореволюционной торговли описана антиторговая политика большевиков и рассмотрены некоторые из ее социальных и экономических последствий.

Розничная торговля в России и ее распад

Накануне мировой войны розничная торговля в России в основном проходила на пяти типах площадок. В первую входили крупные городские *магазины* (от французского слова *magasin*), наиболее современные из всего разнообразия розничных предприятий. Они получили широкое распространение с 1870-х годов, и к началу XX века обслуживали почти половину всех розничных продаж. Более многочисленными были лавки – небольшие заведения традиционного вида. В 1912 году на лавки приходилось четыре пятых всех выданных в стране лицензий на ведение розничной торговли, однако скромный оборот этих учреждений, составлявший в среднем около десяти рублей в день, указывает на то, что в совокупности деловая активность лавок была ниже, чем может показаться из-за численного перевеса. В третью, весьма прибыльную, категорию входили «казенные» магазины, или заведения, связанные с государственной винной монополией. На них приходилось 12 % зарегистрированных кассовых чеков. Все остальные виды розничных продаж фактически осуществлялись в том или ином виде на открытом воздухе – на ярмарках, на рынках и просто на улице. Такие виды торговли все еще составляли значительную часть розничной системы в России, в то время как в Западной Европе и Соединенных Штатах они уже давно пережили свой закат. Наконец, новаторский, ориентированный на потребителя характер имели магазины нарождающегося кооперативного движения, хотя их экономическая роль оставалась незначительной вплоть до начала войны [Дихтяр 1960: 68–92; Струмилин 1958: 672–687].

Для каждой из этих форм торговли была характерна своя, особенная культура обмена, и они обслуживали в известной степени разную публику. Традиционные виды мелкой торговли – лавки, рыночные ряды, лоточники, коробейники – предполагали социальное и физическое взаимодействие. Торговцы общались с постоянными покупателями, те брали в руки товары, внимательно их рассматривали, а затем торговались о цене. У образованных жителей России такой антураж ассоциировался с беспорядком и «средневековьем». Поэтому на протяжении как минимум полувека блошиным рынкам и лоточникам предрекали исчезновение. Однако, по замечанию одного исследователя торговли в поздней Российской империи,

население Москвы девятнадцатого века в значительной степени составляли выходцы из деревни, и более комфортной для них была неформальная обстановка уличной торговли или базаров, в отличие от холодных и обезличенных заведений, особенно более современных из них *магазинов* [Gohstand 1973: 37].

Безусловно, еще больше это касалось провинциальных потребителей, которые сталкивались с современными видами розничной торговли только при посещении больших городов.

Магазины обслуживали в основном зажиточных столичных покупателей. Основанные зачастую иностранными капиталистами и сосредоточенные в таких элитных торговых районах, как Кузнецкий Мост в Москве и Невский проспект в Санкт-Петербурге, магазины создавали образ современности и европейского духа в сравнении с обычными способами торговли: в магазинах были уставлены стеклянные витрины и работали вежливые продавцы, торговаться о цене там было нельзя. Применяемые розничные стратегии также были более агрессивными, по сравнению с их более традиционными аналогами: крупные магазины вкладывали средства в рекламу и обслуживание клиентов, организовывали почтовые или каталожные продажи и

открывали филиалы в провинциальных городах. Хорошим примером служит компания «Зингер» с ее флагманским магазином на Невском проспекте (сейчас там расположен «Дом книги»): чтобы продавать свои швейные машины на расширяющемся российском рынке, «Зингер» открыл четыре тысячи магазинов по всей стране, нанял более двадцати семи тысяч продавцов и коммивояжеров и организовал широкомасштабную рекламную кампанию через афиши, плакаты и периодическую прессу [Carstensen 1984: 69]²¹. Другим успешным классом были элитные торговые дома, такие как петербургский Елисейевский магазин или московский универсам «Мюр и Мерилиз».

Однако даже непосредственно накануне войны интенсивность российской торговли все еще оставалась на низком уровне. Строительство железных дорог в предыдущие 40 лет облегчило круглогодичный оборот товаров, сделав провинциальную торговлю несколько более жизнеспособной; розничные торговцы теперь могли держать меньшие, более ликвидные запасы и сократить свои расходы на поездки в столицы и на летние оптовые ярмарки²². Тем не менее во многих районах количество магазинов и лавок оставалось небольшим: в среднем по стране на десять тысяч жителей приходилось шестьдесят пять торговых заведений (десять магазинов, тридцать пять лавок и двадцать прилавков), а в слабо развитых регионах, таких как сельскохозяйственные регионы Центральной России или Белоруссия, число торговых заведений не достигало даже до этого показателя [Дихтяр 1960: 92–94]²³. Слабое распространение частной торговли за пределами крупных городов отражало относительно слабую интеграцию крестьян в денежный оборот и, вероятно, способствовало этому. Если средние расходы на душу населения в какой-либо части торговой системы составляли примерно двенадцать копеек в день, то в торговой сети в слабо развитых регионах среднее значение едва доходило до трети этой суммы. Низкая покупательная способность крестьян в сочетании с затратами на доставку товаров в отдаленные районы, которые оставались довольно высокими, создавали структуру розничной торговли, диспропорциональную той, что сложилась в крупных городах и особенно в столице (на долю которой приходилась треть всего розничного оборота) [Дихтяр 1960: 92–94; Дмитренко 1966а: 308].

Война внесла ряд изменений в торговую систему. В связи с введенным осенью 1914 года запретом на торговлю водкой в Москве и других городах были резко закрыты магазины спиртного²⁴. Как описывается во второй главе, война также способствовала взлету потребительских кооперативов, которые росли бурными темпами и стали главным источником снабжения городских районов, где проживал рабочий класс. Опыт частных торговцев и лавочников был гораздо более разнообразным и зависел от местности и предметов, которыми они торговали. К концу 1916 года большинство розничных торговцев испытывало нехватку топлива и потребительских товаров, поскольку военные потребности вытеснили все нужды гражданского рынка. Цены выросли, однако инфляция стимулировала, а не подавляла потребительский спрос, вопреки ожидаемому в более стабильный период. Очереди, как писали в коммерческой газете «Коммерсант», стали «законом нашего времени»²⁵. Внезапное повышение цен на предметы первой необходимости привело к панической скупке товаров, поскольку потребители, стремясь избежать риска, закупались впрок. В то же время была и прослойка авантюристов, которые совершали спекулятивные покупки в надежде выгодно перепродать товар в будущем. К началу 1917 года объектом спекуляции стал весь спектр потребительских товаров: от таких базовых про-

²¹ См. также [Ruane 1995: 765–782; West 1998: 345–363].

²² Об этих сдвигах см. [Christian, Smith 1984: 327–356; Fitzpatrick 1990].

²³ Для сравнения, в Саксонии, относительно промышленно развитом регионе Германии, уже в 1895 году на десять тысяч жителей приходилось 637 торговых заведений. Ср. [Denecke, Shaw 1992: 83].

²⁴ См. [Романов 1998: 234–236].

²⁵ Коммерсант. 1917. 4 февраля. См. там же серию обзоров влияния предыдущего года на основные сырьевые рынки, опубликованную в январе.

дуктов, как мука и табак, до предметов роскоши, которым угрожал предстоящий запрет на импорт. За несколько недель до отречения царя газеты пестрели заголовками об арестах крупных спекулянтов²⁶.

Другие симптомы начинающегося экономического кризиса можно было увидеть в резком закрытии магазинов зимой 1916–1917 годов и в том, что в поездки на большие расстояния за потребительскими товарами отправлялись как розничные торговцы, так и потребители. Как и в начале XIX века, розничным торговцам приходилось лично посещать производственные регионы. Мелкие провинциальные лавочники не могли позволить себе расходы на проезд и были вынуждены платить за поставки существенно больше, чем крупные фирмы, поэтому из-за таких сбоев они несли несоразмерный ущерб. К началу 1917 года магазины по всей стране пустовали, целые районы остались без торговых точек, так как мелкие и средние предприятия закрывались из-за нехватки товаров²⁷. Продавцы, пережившие эти трудности, пытались увеличить прибыль, ставя доступность «дефицитных» товаров в зависимость от покупки излишков²⁸. Потребители в регионах часто оказывались перед выбором: покупать продукцию кустарного производства или ездить в столицу за заводским товаром. В частности, в январе 1917 года поезда, следующие из Сибири, были заполнены людьми, везущими продукты питания и товары местного производства для продажи на московских и петроградских рынках, чтобы иметь возможность купить промышленные товары, недоступные дома²⁹.

Розничные продавцы страдали от посягательств государства и на зерновой рынок. Уже в 1915 году во многих губерниях ввели запреты на перемещение зерна через губернские границы, в то время как центральное правительство пыталось противодействовать этим мерам и самостоятельно регулировать цены на продажу зерна. Вскоре (в сентябре 1916 года) были установлены фиксированные цены на все сделки с зерном и (в ноябре 1916 года) введена централизованная система реквизиции, в рамках которой устанавливались конкретные квоты на поставки для каждого хозяйства. Продразверстка служила своей непосредственной цели, передав регулярное снабжение продовольствием в руки правительства, однако в то же время она способствовала катастрофическому сокращению посевов зерновых в последующие годы. И Временное правительство, и большевики переняли этот подход к решению продовольственных проблем: введение хлебной монополии Временным правительством (март 1917) и «продовольственная диктатура» большевиков (май 1918) представляли собой силовые версии царской политики. В течение нескольких недель после падения монархии все зерно стало официально принадлежать государству. Производители должны были регистрировать все свои запасы зерна, из которых им разрешалось оставить определенную норму для личного использования. Главным нововведением большевиков в области хлебной политики после октября 1917 года стала милитаризация снабжения путем его передачи в ведение вооруженных «продовольственных отрядов»³⁰. Все эти вмешательства имели последствия для розничных торговцев продовольствием, чья возможность получать хлеб и муку, а также зарабатывать на их продаже была предсказуемо подорвана.

Контекст для проведения этой политики был сформирован не только драматическими политическими событиями 1917–1918 годов, но и усилением экономического кризиса. Февральскую революцию, как известно, спровоцировал продовольственный дефицит в Петро-

²⁶ Коммерсант. 1917. 2, 3, 5, 13 и 14 янв., 1, 8 и 13 февр. Спекуляция процветала по всей Европе наряду с регулируемой военной экономикой, ср. [David 1945: 8–9] и [Smithies 1984: 19–37].

²⁷ Коммерсант. 1917. 2, 4, 5, и 17 янв., 1 фев.

²⁸ Там же. 3 янв.

²⁹ Там же. 1 фев.

³⁰ См. [Lih 1990; Кондратьев 1991 [1922]; Malle 1985: 322–395], см. также «Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу» (Нижний Новгород, 1919. Кн. 1. – здесь и далее [Систематический сборник декретов 1919]).

граде, однако его острота, по-видимому, была сильно преувеличена тревожными настроениями населения. Даже в разгар демонстраций городских запасов всегда оставалось не менее чем на 12 дней. Кроме того, Петроград всегда был необычайно уязвим для перебоев в поставках продовольствия в силу своего размера и местоположения, так что дефицит в этом городе не следует считать показательным для всей страны [Катков 1967: 249–251; Кондратьев 1991 [1922]: 142–143]³¹. Однако к середине лета 1917 года из-за беспорядочных поломок и аварий железнодорожной системы то, что ранее могло считаться локальной проблемой, распространилось на все регионы, которые обычно импортировали продовольствие³². Год спустя в Петрограде, Туркестане и других областях были зафиксированы случаи голодной смерти, а эпидемические заболевания – холера, дизентерия, брюшной тиф и сыпной (или «голодный») тиф – уносили все больше жизней³³. Кризис перекинулся и на промышленность, когда рабочие, вовлеченные в революционную борьбу, вступали в Красную армию или бросали заводы ради того, чтобы получить права на землю или добыть продовольствие.

До большевистского переворота розничные торговцы были скорее случайными жертвами политики вмешательства, чем ее явной целью. Большевики сохранили и даже усилили акцент своих предшественников на контроле над реализацией зерна и других товаров первой необходимости, однако при этом они коренным образом изменили баланс сил, ведя одновременно «войну против рынка» и «экспроприацию буржуазии». В течение трех дней после переворота большевики издали декрет «О расширении прав городских самоуправлений в народном деле», наделявший местных комиссаров неограниченным правом регулировать торговлю и «конфисковать, реквизировать и секвестровать в свою пользу все частные помещения, а также все принадлежащие частным лицам или учреждениям продукты, предметы, аппараты, орудия, принадлежности, транспортные средства, склады и проч.» [Собрание узаконений 1917–1924 (1917), 1: 6]. Этот декрет предоставлял принятие решений руководителям на местах, однако розничные торговцы и лавочники вскоре почувствовали, что оказались в осаде. Помимо немедленной экспроприации имущества, предпринимателям предъявлялись огромные налоговые счета, за которые в Нижнем Новгороде и других городах весь торговый класс нес коллективную ответственность; некоторые были выселены из коммерческих помещений или квартир, а многие вступали в стычки с представителями новой власти по поводу цен на товары первой необходимости³⁴. Карательная социальная политика большевиков усугубляла экономические трудности розничных торговцев, связанные с отсутствием поставок. По состоянию на весну 1918 года некоторые розничные торговцы все еще пытались увеличить свои страховые суммы и тем обезопаситься от рисков революционного периода, но многие другие снимали вывески и закрыли магазины³⁵.

Советская торговая политика в 1917–1918 годах сочетала в себе противоречащие друг другу элементы. С одной стороны, местных чиновников призывали «раздавить буржуазию» и помешать торговцам получать прибыль. С другой стороны, Ленин настаивал на задействовании «буржуазных специалистов» в социалистическом хозяйстве, и хотя этот термин редко применялся к частным торговцам, он нашел выражение в нескольких указах первой половины 1918 года [Ленин 1958–1965, 34: 310–311; Ленин 1958–1965, 36: 137–142; Собрание узаконений 1917–1924 (1918), 23: 326]³⁶. Идея заключалась в том, что частные магазины можно было заставить устанавливать цены ниже рыночных, если держать их под строгим контролем. Их

³¹ Более негативную оценку продовольственной ситуации в феврале см. [Лозинский 1929: 124; Дмитренко 1986: 16].

³² Интересная дискуссия представлена в работе [Pethybridge 1972: 1–56].

³³ См. [Wheatcroft 1981–1982]; о Туркестане см. [Победа Октябрьской революции в Узбекистане 1972: 71–280 passim].

³⁴ См., например, ГАРФ. Ф. 303. Оп. 4. Д. 23. Л. 21–22; Д. 24. Л. 133, 177; Д. 23. Л. 34; Д. 34. Л. 13; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2615. Л. 4–20.

³⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 44. Л. 44–47.

³⁶ См. также [Дмитренко 1966а: 293, 321 passim].

«задействование» было в то время практической необходимостью. В стране, даже в столицах, постепенно образовывалась сеть государственных магазинов: через год после захвата власти большевиками 426 городских магазинов Петрограда могли обслуживать только 40 % населения. На кооперативы теперь приходилась большая часть работы по распределению оставшегося нормированного хлеба, в то время как частные магазины оставались основными точками реализации товаров повышенного спроса и продуктов [Дмитренко 1966а: 294].

Однако в период с мая по ноябрь 1918 года направление советской политики резко изменилось: от задействования – к целенаправленной ликвидации частной торговли. Символическим началом этого сдвига стало объявление 13 мая «продовольственной диктатуры», сопровождающееся резкой риторикой против «спекуляций», созданием комиссий по обеспечению соблюдения ценовых ограничений и общим усилением бюрократического вмешательства³⁷. Кульминация наступила в ноябре с обнародованием Советом народных комиссаров декретов «Об организации снабжения населения всеми продуктами личного потребления и домашнего хозяйства» (21 ноября) и «О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами» (26 ноября). В декрете от 21 ноября впервые была сформулирована конечная цель «замены частно-торгового аппарата» кооперативами и советскими учреждениями; из всех декретов режима этот больше всех приблизил его к всеобщему запрету «вольного рынка», «вольной продажи» [Систематический сборник декретов 1919: 35–39]. Он представлял собой политическую победу левого лобби с центром в Наркомате продовольствия (Компроде) над умеренными, объединившимися вокруг председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Алексея Рыкова³⁸. Декрет давал Компроду полномочия «национализировать» оптовые торговые заведения, а местным продовольственным комитетам (продкомам) – «муниципализировать» розничные магазины [Систематический сборник декретов 1919: 35–39]. Первыми на очереди стояли продавцы товаров, попадающих под государственную монополию, в которую теперь входили почти все товары первой необходимости: зерно, бумага, соль, керосин, спички, железо, швейные нитки, галоши, чай, кофе, какао, сельскохозяйственный инвентарь, все виды импортных товаров и большинство категорий фабричных товаров широкого потребления [Там же: 202].

Декрет от 21 ноября предполагал будущую ликвидацию частной торговли, однако противоречия в политике советской власти были разрешены не сразу. Этот декрет не только фактически не запретил торговлю, но и не предложил ни определенного графика муниципализации, ни решения проблемы снабжения. Как и в ситуации с большинством законов этого периода, местные чиновники могли трактовать указ по своему усмотрению. Глава Петроградского продкома в интервью одной из газет, датированном 7 декабря 1918 года, настаивал, что немедленной ликвидации частных торговых точек не предвидится: «Мы не собираемся закрывать все магазины сразу». Скорее, муниципализация происходила постепенно: сначала лавочники должны были предоставлять городу точные инвентарные описи и отчитываться о своих поступлениях и расходах (эта мера была призвана препятствовать «спекулятивному» ценообразованию); затем мелкие лавки будут постепенно закрываться, а крупные перекавалифицируются для государственной торговли. Лавочники – владельцы экспроприированных магазинов должны были быть приглашены на государственную службу, как это немногим ранее произошло с продавцами табака, когда торговля им была муниципализирована³⁹. Единичные доступные данные свидетельствуют о том, что темпы муниципализации и национализации весьма различались: так, в Московской, Рязанской, Симбирской и Тульской губерниях в конце 1918 года сообщали,

³⁷ Решающим указом ВЦИКа был указ «О чрезвычайных полномочиях, предоставленных Народному комиссару по продовольствию» [Систематический сборник декретов 1919: 33–34].

³⁸ О пропаганде Рыковым использования частной торговли см. [Фейгельсон 1940: 71; Дмитренко 1966а: 304–305, 311], а также: ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 2. Л. 304, 312–314.

³⁹ Красная газета. 1918. 7 дек.

что все мероприятия осуществляются «полностью и согласно плану», тогда как в Архангельской, Пензенской и Черниговской губерниях признавали, что никакие шаги в этом направлении вообще не предпринимались. Как показал опрос остальных 18 губерний, они оказались где-то посередине: там лишь взяли под контроль некоторые отрасли розничной торговли, не придерживаясь какого-либо особого порядка, и отстранили от коммерческой деятельности большинство частных оптовых продавцов [Дмитренко 1966а: 309–310]. Независимо от местных условий, почти все оставшиеся на плаву торговцы восприняли ноябрьские декреты как сигнал к ликвидации своих магазинов. Как заметил историк эпохи НЭПа В. М. Устинов, даже в отсутствие прямых запретов было «нетрудно прийти к заключению, что установившаяся уже к концу 1918 года хозяйственная система не оставляла места для торговли» [Устинов 1925: 36].

Последствия антиторговой политики

Действия большевиков, направленные против лавочников и торговцев, запустили череду непредвиденных социальных последствий. В частности, в этнически смешанных приграничных районах бывшей Российской империи занятие торговлей, на которое большевики смотрели исключительно с точки зрения классового разделения, было традиционно ремеслом определенных этнических групп. По всей Восточной Европе и Юго-Западной Азии евреи, армяне и греки имели славу торговцев; в связи с этим им определенно суждено было непропорционально пострадать от преследования большевиками торговцев и принудительного закрытия магазинов. Два документа из Белоруссии подтверждают, что с евреями такое действительно случалось. Подобные тенденции повторятся в конце НЭПа. Первое – письмо, которое попало из небольшого городка под Могилевом в центральное правительство в январе 1919 года, – стоит процитировать:

Там нет рабочих ни коммунистов, ни некоммунистов, а есть обыватель, серенький обыватель. И делится он в категории не только по роду занятий, но и по национальности. В деревнях живет крестьянин-русский, а в местечках – по преимуществу – еврей ремесленник или торговец. Жили они если не дружно, то и без особенной вражды. Крестьянин пахал землю и кормил еврейское население хлебом, а в обмен требовал доставки необходимых ему изделий кустарного и фабричного производства. Разбогател за время войны крестьянин, стало легче жить и обслуживающему его еврею. Но вот Вы объявили войну спекуляции и морадерству. И в Могилевской губернии что было понято как борьба с евреями – поголовно всеми евреями, всех их объявили спекулянтами и мародерами⁴⁰.

Далее автор письма рассказывает о серии антисемитских инцидентов, которые привели к тому, что евреи этого района, «нищие и почти нищие, мелкие торгаши и торговцы», чувствовали себя запуганными и пострадавшими. Евреев обыскивали, когда они появлялись в близлежащих деревнях; крестьяне отказывались им что-либо продавать, опасаясь неприятных последствий. В ситуации, которую автор изобразил как типичную, управляющий муниципальным магазином в Родно объявил толпе евреев и крестьян: «Русские, оставайтесь в очереди, евреи смогут получить то, что останется. Они спекулянты». Американская корреспондентка Маргерит Гаррисон, которая год спустя путешествовала по Белоруссии, наблюдала почти то же самое: относительно довольное жизнью крестьянское население и массу обнищавших, недовольных евреев, чьи маленькие магазинчики были закрыты, а они сами не могли даже получать пайки, если им не удавалось найти работу в проходящем мимо деревни полку. В результате, по

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 1296. Л. 8-11.

ее словам, «многие из них существовали за счет тайных поставок или хитроумной и опасной контрабандной торговли с Польшей» [Harrison 1921: 29–30].

Ирония большевистской антиторговой политики заключалась в том, что больше всего от нее страдали самые бедные и наименее изобретательные торговцы. Несмотря на объявленную классовую войну, более состоятельные представители российского торгового класса часто находили для себя ниши и в системе советской экономики. Типичным примером этой тенденции были торговцы-кулаки в сельском уезде Курской губернии, предмет исследования 1922 года: при военном коммунизме почти все они перешли в социалистический сектор, а затем, после объявления НЭПа, успешно вернулись к частной торговле. В качестве примера можно назвать Д. А. Дьякова, самого богатого представителя этой группы. В 1918 году паровая и зерновая мельницы и универсальный магазин Дьякова были переданы местному кооперативу вместе с семьей домами и амбарами, принадлежащими его семье. В качестве компенсации кооператив назначил его своим председателем. До окончания Гражданской войны Дьяков успел поработать в четырех различных органах снабжения, приобретя ценные связи, пригодившиеся ему после возвращения в частный сектор в 1922 году [Яковлев 1923: 44–47]. Случай Дьякова вовсе не был исключительным. Жалобы на то, что *кулаки* (термин, часто применяемый и к сельским торговцам) руководили советами и кооперативами, были распространены в 1918–1921 годах, так как подвергшиеся экспроприации городские торговцы часто находили работу в управлении снабжением. Как и в случае с промышленниками, которых часто оставляли в качестве управляющих фабриками, государственные учреждения нуждались в услугах «специалистов по торговле», чтобы заставить систему распределения работать.

Если в период Гражданской войны преуспевающие торговцы перешли в ряды чиновничества, то многие мелкие лавочники просто перенесли свои торговые точки на улицу. Проводимая большевиками политика не привела к исчезновению частной торговли; скорее, по словам из брошюры о пользе национализации,

торговля расплылась, и из крупных складов, из больших магазинов торговля вышла на улицу. Зайдите в любой магазин, и вы почти всегда получите отказ на ваши требования. Между тем все площади городов переполнены разного рода торговцами, несущими самые разнообразные товары в собственных руках [Васильев 1918: 5].

Импровизированные базары разрастались на всех традиционных площадках для уличной торговли: ж/д вокзалах, портах, городских и сельских рыночных площадях. В свете заявленной политики режима несомненно, что многие потребители разделяли недоумение женщины из города Сумы (Украина), которая в марте 1920 года прислала партийному вождю следующий вопрос: «Уважаемый товарищ Ленин! Преклоняясь перед Вашим гениальным умом и деятельностью, прошу Вас дать мне разъяснение, мне маленькому человеку, что значит запрещение вольной продажи, когда существуют базары?» В Сумах, пояснила автор письма, в местном продовольственном отделе ничего нельзя было купить, тогда как на базаре «торговцы, пользуясь запретом вольной продажи, берут за продукты, что хотят» [Голос народа 1998: 56–57]. По всей стране базары служили убежищем для частных торговцев, потерявших свои лавки.

Украинский город Сумы оказался под властью большевиков в конце 1919 года, но в центральном регионе такая ситуация сохранялась еще с 1918 года. Еще до ноябрьского декрета о муниципализации регулярная торговая сеть сократилась до такой степени, что для советских чиновников символом капитализма стали базары, а не магазины. Большевистская риторика делала символами неформальной и формальной сторон экономики времен Гражданской войны две московские достопримечательности: Сухаревку, самый известный столичный базар,

и Красную площадь, где располагалось советское продовольственное управление⁴¹. От наблюдателей того времени до нас дошли многочисленные описания Сухаревки, которую историк, писатель и мемуарист Ю. В. Готье называл одним «из двух великих проявлений русской революции» (наряду с Лениным!) [Готье 1997:321]⁴². Каждый день, особенно по выходным, мужчины и женщины толпились на улицах и в переулках вокруг Сухаревской площади со своими сумками, сумочками, а зимой и с санями. Сидя на тротуарах и толпясь у входа на рынок, некогда зажиточные горожане предлагали покупателям ношеную одежду или протягивали серебряными щипцами кусочки сахара (рис. 1). Внутри рынок представлял собой ряды прилавков, с которых более крупные и организованные торговцы продавали продукты, предметы домашнего обихода, ткани и книги. Между ними, втиснувшись во все свободные места, мелкие лавочники ставили свои тележки, старухи стояли с корзинами капусты, а другие просто раскладывали свой товар на земле. В другом отделе сгрудились кафе, торгующие различными видами уличной еды. Весной 1919 года на Сухаревку приходилось до половины всего торгового оборота Москвы. Как отмечал один современник, это было единственное место в столице, где продавались товары «из киосков и ларьков, с весами, оберточной бумагой и всеми атрибутами нормальной торговли»⁴³.

Рис. 1. Торговля на тротуарах на Сухаревском рынке (Сухаревке). Фото предоставлено Российским государственным архивом кинофотодокументов (РГАКФД)

⁴¹ Ср. статью. Федорова «Сухаревка – Красная площадь» в: Известия Народного комиссариата по продовольствию. 1918. № 8. С. 23–27; [Орлов 1918: 353–355] (по существу, плагиат Федорова), а также [Бухарин, Преображенский 1966 [1919]: 323], Экономическая жизнь. 1920. 18 фев.

⁴² См. также [Harrison 1921:150–157; Chase 1987:26–27; Borgero 2003:171–175].

⁴³ Кооперация. 1919.14июня. Цит. по: [Дмитренко 1966:232; Borgero2003:177].

Правовой статус базаров был неоднозначным. Общего запрета на них никогда не существовало, как и общего запрета частной торговли. Местные чиновники время от времени принимали в отношении спонтанных рынков жесткие меры: во многих городах отряды милиционеров и чекистов периодически устраивали там облавы и аресты. Несколько лет спустя Лев Крицман живо описывал рейды милиции, проводившиеся на Сухаревке:

Символом неустраимости нелегальной товарной и товарно-капиталистической экономики была «Сухаревка», громадная, постоянно черная от густых толп людей, рыночная площадь в самом центре суровой пролетарской диктатуры, в Москве. Там шла необычайно интенсивная торговля всем решительно и в особенности продуктами, объявленными государственной монополией; торговля с оглядкой, из-под полы, прерываемая шумными облавами, сопровождавшимися выстрелами в воздух, криком, смятением, но достигавшими лишь того, что торговля переходила на короткое время в другое место, часто в другую часть той же громадной Сухаревской площади [Крицман 1925: 137–138].

Несмотря на воспоминания Крицмана, для некоторых продавцов последствия рейдов могли быть неприятными. Например, во время одной милицейской облавы на блошином рынке в Нижнем Новгороде был применен подход, ставший распространенным в сталинские годы: для допроса были задержаны 400 лоточников, после чего все, кто имел нежелательный социальный статус (дезертиры – группа, которая особенно заметно фигурировала в описаниях рынков Гражданской войны, «тунеядцы», преступники и т. д.), были арестованы и отправлены в тюрьму⁴⁴. Такие репрессии имели негативный эффект. Когда опасность произвола милиции стала слишком велика, крестьяне перестали продавать продукты питания, которые все еще были пригодны для реализации, что, в свою очередь, вынудило центральные правительственные органы опровергнуть «бессмысленные слухи» о скором запрете всей торговли вообще и запретить закрытие базаров [Устинов 1925: 37–38; Дмитренко 1966а: 320–321; Ленин 1958–1965, 37: 422–423]. Реакция политиков центрального правительства на чрезмерное усердие милиции показывала, что даже в их глазах рынок оставался необходимым социальным институтом на протяжении всего периода Гражданской войны.

Вопрос о статусе рынков усложнял тот общепризнанный факт, что «торговля на базарах выходила далеко за узкие пределы легальной торговли» [Устинов 1925: 38]. В больших количествах там продавались продукты питания, не подпадающие под государственную монополию, в том числе такие основные их виды, как картофель, растительное масло, молочные продукты и рыба, но также на базарах можно было найти и зерно, и другие продукты, на которые распространялась государственная монополия. Некоторые рынки служили прикрытием для торговли продовольственными талонами, организованной либо продовольственными распорядителями, либо частными лицами, которым удавалось получить дополнительные карточки⁴⁵. Значительное количество, если не большая часть, промышленных товаров, которые продавались на рынке, было украдено из государственных учреждений. Анализируя ситуацию на Украине в октябре 1920 года, сотрудники ВЧК сообщали, что

почти все товары, продаваемые на свободном рынке, происходят из советских учреждений. Мелкая спекуляция, выражающаяся в мелкой базарной торговле, подпитывается почти исключительно кражами с транспорта или транспортных учреждений; крупная спекуляция происходит организованно

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 415. Л. 9506. О солдатах и рыночной торговле ср. с [McAuley 1991: 282].

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 34. Л. 30. См. также: Бюллетень МПК. 1918. 26 июля.

между учреждениями РСФСР и Украинской ССР, что становится возможным благодаря спекуляции всеми ресурсами учреждений⁴⁶.

Этот рефрен советского чиновничества в годы Гражданской войны был более правдив, чем кажется. В ходе рыночных рейдов всегда обнаруживалось казенное имущество, кражи грузов были повсеместными, и их число снизилось только после начала развертывания НЭПа [Труды ЦСУ 8 (4): 155]. Тем не менее обвинения в краже следует рассматривать в рамках сложившегося тогда социального контекста. Рабочим заработная плата выдавалась в натуральной форме, в расчете на то, что они продадут или обменяют излишки. Помимо этого, кустарное производство всегда было основным источником потребительских товаров. После революции относительная доля кустарного производства возросла, так что к 1920 году вся мебель, 84 % предметов одежды и подавляющее большинство других потребительских товаров производились ремесленниками. Естественно, такие товары очень часто продавались на рынке, хотя некоторым небольшим кустарным лавкам также разрешалось открываться⁴⁷.

Прошли ли базары какую-то определенную эволюцию в период с 1917 по 1921 год? В своем всестороннем исследовании русской революции Э. Х. Карр высказал предположение, что в годы Гражданской войны нелегальная рыночная торговля составляла «все большую долю внутреннего распределения товаров в Советской России» [Carр 1952, 2: 244]. Доказательств этого утверждения в ходе настоящего исследования обнаружено не было: напротив, статистические данные указывают на обратное. В 1918 году почти половина национализированных промышленных предприятий все еще реализовывала свою продукцию на основе частных договоров, а к 1920 году рыночные методы стали исключением [Труды ЦСУ 8 (2): 354]. Что касается продовольственного снабжения, нам также известно, что в 1920–1921 годах государство заготовило в четыре раза больше зерна, чем в 1917–1918 годах, и в три раза больше, чем в 1918–1919 годах [Вапериј 1997: 206; Фейгельсон 1940: 84; Дмитренко 19666: 228]. Еще более красноречивы статистические оценки меняющейся роли рынков в распределении зерновых и других продуктов питания. Согласно Крицману, роль рынков в снабжении представителей рабочего класса снизилась с 59% в 1918 году до всего лишь 25 % в 1920 году; хотя подавляющее большинство горожан продолжало покупать хлеб на черном рынке, растущее меньшинство этого не делало [Крицман 1925: 133–135]⁴⁸. С другой стороны, потребители из сельской местности продолжали покупать почти все продукты питания, которые они не могли самостоятельно производить в достаточном количестве, на базаре [Дмитренко 19666:230–231; Крицман 1925: 133–135].

Качественные данные о базарной торговле рисуют более запутанную картину изменений, происходивших со временем. Согласно заявлениям советских чиновников, в 1918 году базары, наряду с частными и кооперативными магазинами, были основным источником продовольствия и потребительских товаров во всех частях страны. После этого года в докладах фиксировались противоречивые тенденции. В некоторых городах и районах (главным образом на севере) базарная торговля в 1919–1920 годах частично прекратилась, во многих других она процветала. В какой-то мере то, что происходило в каждом отдельном регионе, отражало сте-

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 32–34. См. комментарии Громана в [Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства 1918: 433–434], а также [Владимиров 1920: 9–11, 21; Федоров 1918; Крицман 1925: 137–138] и множество отчетов в [Берелович и др. 1998–2000, 1].

⁴⁷ В декабре 1919 года в Москве насчитывалось 18 000 зарегистрированных частных магазинов, из которых 13 000 представляли товары и услуги кустарного производства, а 5000 продавали нераспределяемые продовольственные товары (в том числе с торговых мест и в кафе на рынках). Боевой запал коммунистической партии в 1920 году привел к тому, что к июлю это число сократилось до 3736 торговцев плюс 44 семейных помощника [Дмитренко 1966а: 315; Дмитренко 1986: 166; Труды ЦСУ 8 (7): 32–33].

⁴⁸ См. также [Труды ЦСУ 8 (1): 16–17, 24–25] и [Труды ЦСУ 30 (1): 34–35].

пень проводимых там репрессий⁴⁹. Если и можно сделать какие-либо общие выводы на основании отчетов управлений милиции за 1920 год, так о том, что присоединение советской властью новых территорий – отвоеванных у белых Украины, Сибири и Нижней Волги – подпитывало частную рыночную торговлю, а также увеличивало доступность продовольствия для советской администрации. Эти регионы прежде не были подчинены советской торговой политике и поддерживали активные рынки. После установления там советской власти их немедленно наводнили потребители, частные покупатели и посредники по продовольственному снабжению из других регионов федерации в поисках ходовых товаров⁵⁰.

В конце концов высшее руководство пришло к пониманию того, что стратегия искоренения имеет свои пределы. По этому поводу московский писатель-мемуарист Готье высказал тонкое наблюдение: большевики одновременно не хотели торговли на открытых рынках и не хотели, чтобы Сухаревка возникала «на каждом углу и перекрестке», что было бы неизбежным следствием закрытия базаров [Готье 1997: 314]. Логика использования рынков продолжала оказывать влияние на политику большевиков еще долгое время после ноябрьских декретов 1918 года. Сама Сухаревка была закрыта на несколько месяцев в декабре 1920 года, но историки, вероятно, придали этому факту слишком большое значение. Маргерит Гаррисон рассматривала закрытие Сухаревки как частный случай общего непостоянства нового правительства:

Например, в течение одной недели разрешали продавать мясо, через две недели издавали декрет, запрещающий продажу мяса, и на всех торговцев мясом совершалась облава. То же самое происходило с маслом и многими другими товарами. В конце весны рынок на Охотном ряду закрыли, киоски снесли, но Сухаревку не тронули. Еще позже закрылись все мелкие магазины, потом они открылись, а Сухаревка закрылась. Наконец, в начале марта 1921 года, после издания декрета, разрешившего свободную торговлю, вновь открылись рынки, магазины и уличные киоски. Политика правительства в отношении регулирования частной торговли была настолько непостоянной, что никто не знал наверняка, что было законно, а что – нет [Harrison 1921: 154]⁵¹.

Это же непостоянство проявлялось и в регионах: в директивах и контрдирективах о легальности базарной торговли, а также в отношении советской власти к мелким предприятиям сферы обслуживания и кустарным лавкам. С конца 1918 года три эти примитивные формы частного предпринимательства (базарная торговля, мелкие мастерские и кустарная торговля) выделились в серую зону социалистической экономики. Как будет видно в последующих главах, и эта серая зона, и ее периодическое сужение оказались непреходящим наследием Гражданской войны.

Таким образом, социальные последствия войны против рынка были полны противоречий. В своей самой ранней форме антиторговая политика большевиков была не более чем опосредованным способом ведения классово-войны против российской буржуазии. Однако практика показала, что наиболее «буржуазные» из дореволюционных торговцев были лучше всего подготовлены к тому, чтобы противостоять наступлению большевиков. Наиболее выгодными для этого оказались два пути: относительно безопасный – занятость в социалистической экономике, или более рискованный – подпольная торговля. Первый путь, однако, был открыт

⁴⁹ Об этом говорил Р. И. Вайсберг [Вайсберг 1925: 36]. См. также: ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 414. Л. 39–40; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 8–10.

⁵⁰ См., например, [Хазиев 1989: 85–87]. Подобное было также зафиксировано на Урале, в Минске, Харькове и Баку; ср. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 8–10, 32–34; Д. 2458.

⁵¹ См. также [Воггетто 2003: 185].

только для тех, кто мог выдавать себя за специалистов в торговле, то есть, как правило, для более обеспеченной группы. У мелких торговцев – от еврейских коробейников и ремесленников, торгующих в Белоруссии, до мелких лавочников, работающих повсеместно, едва ли «буржуазных» по экономическим критериям, – выбор был невелик: им оставалась полуполюгальная и нелегальная торговля на рынках. От таких трудностей страдали многие, и поэтому в конечном счете успех антиторговой политики большевиков не смог сравниться с успехом базаров.

Открытые торговые площадки революционного времени сочетали в себе функции и приемы фермерских рынков, блошиных рынков и рынков краденого. Однако они также служили точками для оптовой торговли в ее рудиментарной форме, и присоединение новых территорий к РСФСР в 1919 году со всей очевидностью высветило эту отличительную черту. Недавно присоединенные регионы не только были наводнены агентами по закупкам и всеми типами неформальных покупателей – каждая новая территория открывала пути в новые внутренние регионы для возможных контрабандных операций там. Пока Дон и Кубань не захватила Красная армия, жители этих регионов вели оживленную приграничную торговлю с Царицынской и Астраханской губерниями. Жители Восточной Сибири пересекали проницаемую границу России с Маньчжурией. С северо-запада России ее жители устремились в отныне независимые Прибалтийские страны. Константинополь, как и Тифлис, завоеванный большевиками только в феврале 1921 года, был главным перевалочным пунктом российской торговли в годы Гражданской войны. Рынки «ближнего зарубежья» были переполнены сахаром, изделиями из стекла, текстилем, обувью, электрическими лампами, лекарствами, техническими инструментами и сельскохозяйственной техникой – всем тем, чего жаждали российские покупатели⁵².

Базары внутри Советской России стали конечной точкой мелкооптовой торговли, которая строилась на поездках отдельных людей как внутри советской территории с ее постоянно меняющимися границами, так и через эти границы. Такой способ торговли назывался «мешочничеством» и обеспечивал связь регионов, имевших избыток какого-либо товара, с регионами, где такой товар был дефицитным. Мешочничество зародилось еще в 1916–1917 годах вследствие нехватки промышленных товаров, которая заставляла жителей провинции ездить в Москву и Петроград за тканями. С углублением продовольственного кризиса направление поездок между центром и периферией изменилось на обратное. К середине 1917 года, несмотря на все усилия Временного правительства⁵³, мешочничество достигло внушительных масштабов. Не пришло оно в упадок и при большевиках: опросы, проведенные зимой 1917–1918 годов, показали, что 40 % населения Калужской губернии и 80 % крестьян Костромы совершали подобные поездки для покупки или продажи зерна; примерно 30 000 жителей Петрограда относились к мешочничеству как к своему основному заработку. С другой стороны, на Курскую, Тамбовскую, Симбирскую, Саратовскую, Казанскую и Вятскую губернии, где наблюдался избыток зерна, ежемесячно совершали набег от 100 000 до 150 000 мешочников. Эти цифры, возможно, выровнялись по мере улучшения продовольственного снабжения на севере, но уже в январе 1921 года в одной воронежской газете писали, что по одному 160-километровому отрезку пути 20 000 мешочников ежедневно перевозят в среднем по восемь пудов (130,6 кг) каждый [Кондратьев 1991 [1922]: 308; Крицман 1925: 135; Фейгельсон 1940: 78; Дмитренко 19666: 236; Figes 1996: 611; Banerji, 1997: 27].

Торговые маршруты для неформальной торговли зерном зависели от наличия железнодорожных путей и общей военной обстановки. До лета 1918 года, когда из-за Гражданской войны от Центральной России были отрезаны житницы Украины, Сибири и Северного Кавказа, с промышленного севера страны во все стороны тянулись мешочники. Согласно одному исследованию начала 1918 года, из Костромской губернии на севере Центральной России почти

⁵² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 8-10, 32–34; Д. 2368. См. также [Ackerman 1919: 46; Давыдов 1994: 45].

⁵³ См. [Browder, Kerensky 1961,2: 703; Систематический сборник декретов 1919: 122–123].

половина мешочников отправилась в Омск (примерно 200–300 километров к востоку). Из остальных примерно половина отправилась в хлебные губернии на востоке центральной части страны – Вятскую и Симбирскую; только четверть от общего числа мешочников отважилась ехать на юг [Фейгельсон 1940: 78]. После укрепления линии фронта торговля зерном велась в основном по оси север – юг, хотя Вятка и Симбирск оставались важными пунктами добычи хлеба.

О мешочничестве чаще всего говорят в связи с нелегальной торговлей зерном, однако оно ни в коем случае не было единственным товаром, реализуемым таким образом. Контрабандисты торговали всем на свете. В Советской России царские деньги, золото и иностранная валюта также были объектами бесчисленных поездок, совершаемых ради получения прибыли⁵⁴. Хотя невозможно реконструировать движение валюты, беспорядочно перемещавшейся по стране вместе с потоками солдат и беженцев, циркуляция по крайней мере двух товаров действительно создавала регулярные маршруты мешочников, сравнимые с масштабами торговли зерном. Специализированная мешочная торговля развивалась вокруг низкосортного табака (махорки), который выращивался в некоторых районах Рязанской и Тамбовской губерний и в автономии поволжских немцев и заготавливался там крестьянами-ремесленниками. Как и зерно, табак можно было перевозить в 150-фунтовых (80-килограммовых) мешках и перепродавать в небольших количествах, получая прибыль. Поскольку табак никогда не был таким же приоритетным товаром для властей, как зерно, меры по подавлению этого вида торговли были еще менее эффективными. Вплоть до 1919 года отчеты милиции указывали, что у производителей махорки не было другого выбора, кроме как продавать свой товар мешочникам, поскольку государство почти не присылало своих закупщиков⁵⁵.

Другим важным товаром, вокруг которого сформировался отдельный маршрут мешочничества, была соль – также бестарный продукт. Маршрут «добычи» соли пролегал по Волге. Попытки бороться с ним начались в августе 1920 года, через несколько месяцев после того, как по всей долине реки была установлена советская власть. Торговля этим товаром была невероятно прибыльной: в декабре 1920 года пуд (примерно 16,4 килограмма) соли, продававшийся в Астрахани за 800–900 рублей, в Нижнем Новгороде или Казани стоил уже от 30 до 40 тысяч рублей. Благодаря столь ощутимым материальным стимулам торговля солью стала основным источником дохода для крестьян, живущих на расстоянии до ста километров от реки. Сообщалось, что в Царицыне в торговле солью была задействована «значительная доля» городского населения. О масштабах сбыта можно судить по результатам рейда, проведенного на пароходе «Красная звезда»: за одну ночь у пассажиров судна было изъято почти две тонны соли. Неудивительно, что поиск прибыли в верховье реки создал дефицит в Астрахани, где рыбные хозяйства полагались на избыток дешевой соли⁵⁶.

Какие экономические эффекты вызывало мешочничество? Его влияние на городской рынок и в целом на регионы с дефицитом зерна было неоднозначным. Без сомнения, мешочничество подорвало и без того перегруженную и с трудом функционирующую транспортную систему страны. Достоверных оценок этого воздействия нет, но очевидно, что грузовой вагон, в котором ехали мешочники со своей поклажей, мог перевозить меньше продовольствия, чем вагон, заполненный исключительно зерном. Стране отчаянно не хватало подвижного состава, и такая неэффективность в использовании транспорта обходилась дорого.

Однако с точки зрения результатов такой торговли картина выглядит несколько иначе. С начала 1918 года и до лета 1919 года мешочники, согласно некоторым оценкам, реализовали на 25 % больше товаров, чем смог предоставить официальный аппарат продовольственного

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 414. Л. 1506; Д. 415. Л. 9506; РГАСПИ, Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 8-10, 32–34.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 37. Л. 34; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2615. Л. 4-20.

⁵⁶ Красная газета. 1920.25 дек. См. также: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 32–34; [Schwartz 1921: 127–128].

снабжения страны; значение нелегальной торговли оставалось огромным в связи с затянувшимся характером Гражданской войны. Еще зимой 1919/1920 годов официальные учреждения поставляли менее 10 % проданного продовольствия по крайней мере в трех северных губерниях [Дихтяр 1965: 130; Фейгельсон 1940: 79, 84; Дмитренко 1966: 231]. При таких обстоятельствах, как писал В. М. Устинов в 1925 году,

население невольно должно было обращаться к «вольному рынку», не считаясь с тем, что этот рынок – нелегальный, и тем самым поощрять мешочничество. Правда, мешочники в значительной степени мешали работе Наркомпрода и делали ее менее продуктивной. Получался, таким образом, заколдованный круг. Однако население, под давлением голода, не могло пассивно ожидать, пока окрепнет госснабжение аппарат настолько, что сделает дорогое и неуклюжее мешочничество излишним [Устинов 1925: 41].

Однако большевики рассматривали успех мешочников как результат игры с нулевой суммой. Согласно их восприятию, каждая унция, полученная неофициальным путем, означала, что эту унцию недополучила социалистическая экономика. Экономическая теория заставила бы нас признать их неправоту: согласно классической экономической модели, мешочники должны были иметь возможность получать больше зерна (или соли, или табака), чем государственные закупщики, поскольку предлагаемые ими более высокие цены стимулировали бы рост предложения. В этой модели, конечно, не учитываются государственные меры принуждения, и остается вопрос, противодействовали ли они рыночным силам, сдерживающим сбыт по государственной цене, и если да, то в какой степени.

Практически все ученые, комментировавшие эту ситуацию, вне зависимости от того, имели они отношение к большевистской идеологии или нет, соглашались с оценкой советского экономиста Н. Д. Кондратьева, что замена капиталистической оптовой системы мешочничеством была равносильна «деградации торговли» [Кондратьев 1991 [1922]: 307–310]. Развязанная большевиками война с рынком не подняла торговлю на более высокий уровень социально-экономической организации, а привела к замене современной системы крупномасштабного перемещения товаров архаичной системой, основанной на перемещениях отдельных людей.

Отрицательная оценка Кондратьева нашла отражение в ряде публикаций эпохи НЭПа. Л. Н. Крицман обращал внимание на розничных торговцев, которые, как он утверждал, стали «менее квалифицированными», перейдя из магазина на базар [Крицман 1925: 142]. В. М. Устинов подчеркивал, что по торговому сектору был нанесен удар с моральной точки зрения: «...торговый аппарат ввиду необходимости прибегать к разного рода уловкам развращался и разлагался» [Устинов 1925: 22]. Впрочем, нечестность едва ли была чужда традициям русской торговли: посещавшие страну иностранцы фиксировали ее на тот момент уже на протяжении более трехсот лет⁵⁷. Еще более обескураживающей эту беспринципную культуру обмена периода Гражданской войны делал ее контекст: угрожающая жизни населения, нехватка ресурсов, коммунистические представления о нравственности, революционная политика, а также тот факт, что занятие «спекуляцией» больше не ограничивалось дореволюционным купеческим классом.

Кризисный режим потребления

Случаи нарушения нормального функционирования, сопровождавшие войну и революцию, коренным образом изменили потребительские привычки жителей бывшей империи. Уже

⁵⁷ Краткое изложение рассказов путешественников о русских купцах с 1571 года по середину XIX века см. у [Patouillet 1912: 99-100].

в феврале 1917 года паническая реакция толп петроградцев на нехватку хлеба и муки продемонстрировала поведение, которое в последующие годы будет признано бессознательным. У пекарен собирались огромные очереди, в которых в основном стояли женщины. Толпы разбивали витрины и грабили пекарни, когда запасы продуктов заканчивались; люди сушили сухари в печах, чтобы сформировать личные хлебные запасы. За неделю до отречения царя жители города всю ночь при минусовых температурах стояли в хлебных очередях, которые Охранное отделение воспринимало как потенциальные очаги революции. В этой обстановке слухи одновременно и подпитывали массовую истерию, и подпитывались ей сами. Трудно себе представить, чтобы у жителей Петрограда не было запасов муки для такого рода чрезвычайных ситуаций: одно исследование жизни московского рабочего класса в начале 1920-х годов показало, что практически каждое домашнее хозяйство имело запасы зерна и муки, накопленные за предыдущие восемь лет. Тот факт, что люди предпочли провести всю ночь в очередях при температуре минус 30–40 градусов вместо того, чтобы использовать свои резервы, свидетельствует об их неверии в способность рынка или правительства упорядочить поставки продовольствия. Таким образом, нарушение потребительского поведения отчасти было побочным эффектом снижения легитимности царского режима, хотя оно, безусловно, также отражало зависимость потребителей низших классов от доступа к недорогому хлебу⁵⁸

⁵⁸ См. [Катков 1967: 249–250; Hasegawa 1981: 198–202; Буджалов 1987:103–104; Figes 1996: 307]. О накопительстве зерна см. [Кабо 1928: 149–156].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.